

Мишель БЮССИ

Детективчик № 1
во Франции

САМОЛЕТ БЕЗ НЕЁ

Annotation

Один из самых известных романов мэтра детективного жанра во Франции.

Лиза-Роза или Эмили? Как зовут трехмесячную малышку, единственную, кто выжил после падения самолета, совершавшего рейс по маршруту Стамбул – Париж? Две семьи, одна богатая, а другая нет, оспаривают друг у друга спасшуюся девочку... Спустя восемнадцать лет частный сыщик утверждает, что распутал эту давнюю историю, но вскоре его находят мертвым. Однако осталась тетрадь, куда детектив записывал детали своего расследования. Сюжет, больше похожий на детективную гонку, движется из Парижа в Альпы, с горных склонов в Стамбул и обратно – до тех пор, пока наконец не спадают маски. Разворачивающаяся драма – дело случая или в этой пьесе с самого начала кто-то манипулировал всеми персонажами?

Мишель Бюсси

Самолет без нее

Памяти Клода Симона, отца моего друга Паскаля

Michel Bussi, Un avion sans elle

Copyright © Presses de la Cité, un département de Place des éditeurs, 2012

© Елена Головина, перевод, 2014, 2022

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

phantom press

23 декабря 1980

00:33

Аэробус, совершавший рейс 5403 Стамбул – Париж, угодил в воздушную яму. За каких-то десять секунд он почти отвесно ухнул вниз почти на тысячу метров, но там сумел выровняться. Большинство пассажиров спали. Пробуждение их было мгновенным – с отвратительным ощущением человека, задремавшего на ярмарочной карусели.

Хрупкий сон Изели прервали не содрогания самолета, а крики пассажиров. К турбулентности и воздушным ямам она привыкла, недаром уже три года работала стюардессой на международных рейсах «Турецких авиалиний». У нее был перерыв. Но поспать ей удалось минут двадцать. Открыв глаза, она увидела Мелиху – опытную бортпроводницу, с которой летала в одной смене. Та нависала над ней, склонившись к самому вырезу узкого форменного пиджака Изели.

– Изель! Изель! Проснись! Тут такое... Мы в снежную бурю попали. Командир говорит, видимость нулевая. Займешься своими пассажирами?

Изель мгновенно нацепила маску невозмутимости – бывалому асу негоже паниковать из-за таких пустяков. Она встала, одернула пиджак, подтянула юбку, секунду смотрела на свое отражение в экране выключенного монитора – ну просто турецкая куколка! – и двинулась направо, в свой отсек.

Очнувшиеся пассажиры больше не кричали, просто сидели и таращились на нее – не столько испуганно, сколько удивленно. Самолет продолжал трястись. Изель шла по проходу, стараясь улыбнуться каждому:

– Все в полном порядке. Причин для беспокойства нет. Просто попали в небольшую снежную бурю над горами Юра. Меньше чем через час будем в Париже.

Она вовсе не вымучивала улыбку. В мыслях она уже была в Париже. Они задержатся в городе на три дня, до самого Рождества. Целых три дня во французской столице! Три дня полной свободы! Изель радовалась как девчонка.

Обходя пассажиров, она задержалась возле мальчика лет десяти, вцепившегося в

бабушкину руку; молодого клерка в мятой сорочке (она была бы не прочь столкнуться с ним где-нибудь на Елисейских Полях); возле турчанки в съехавшей на глаза чадре; нахохлившегося старика, зажавшего между коленями ладони и умоляюще смотревшего на нее...

– Все в порядке. Волноваться не о чем.

Изель спокойно шла по проходу, когда аэробус снова резко накренился. Послышались крики. Молодой парень в правом ряду с аудиоплеером в руках дурашливо воскликнул:

– Выполняем мертвую петлю?

В ответ раздались робкие смешки, но их мгновенно перекрыл громкий плач младенца. Ребенок лежал в переноске прямо перед Изель, в паре метров впереди. Она пригляделась: совсем кроха, месяца два-три, не больше. Девочка. В белом платьице в оранжевый цветочек и вязаной шерстяной кофточке.

– Нет, мадам! – решительно произнесла Изель. – Нельзя!

Мать малышки уже расстегивала ремень безопасности, собираясь взять ребенка на руки.

– Прошу вас, мадам! – твердо сказала Изель. – Вы должны оставаться пристегнутой. Это требование безопасности. Это...

Мать ничего не ответила, даже не повернулась в ее сторону. Склонилась над люлькой, длинные волосы свесились, закрыв ей лицо. Младенец завопил громче.

Изель немного растерялась, но шагнула вперед.

Самолет ухнул в очередную воздушную яму. Целых три секунды свободного падения. Наверное, еще сотня метров.

Кто-то из пассажиров коротко вскрикнул, остальные молчали. Словно онемели. Они уже поняли, что шараханья самолета нельзя объяснить порывами ветра. От толчка Изель повалилась вбок, локтем въехав в парня с плеером, от чего у того перехватило дыхание. Даже не извинившись, она быстро выпрямилась. Маленькая девочка заходила в крике. Мать уже расстегивала ремень безопасности на детском креслице...

– Нет, мадам! Говорю вам...

Изель выругалась про себя – колготки поехали. Машинально одернула юбку. Вот ведь невезуха. Да уж, если кто и заслужил три дня и две ночи развлечений в Париже, так это она.

Дальше все происходило стремительно.

На миг Изели почудилось, что плачу младенца вторит другой плач, откуда-то слева, дальше по проходу. Серого нейлона ее колготок коснулись трясущиеся пальцы парня с плеером. Пожилой турок одной рукой обнимал за плечи свою жену в чадре, вторую просительно тянул к Изели. Мать, наконец справившаяся с ремнем на детском кресле, собиралась взять плачущего ребенка.

Это были последние картины, что увидела стюардесса, перед тем как аэробус врезался в гору.

От удара Изель швырнуло метров на десять вперед, к аварийному люку. Ее красивые, затянутые в серый нейлон ноги переломились, словно у пластмассовой куклы, надоевшей малолетней садистке-хозяйке; хрупкую грудную клетку расплющило о металл; угол дверцы врезался в левый висок.

Изель умерла мгновенно. В этом ей повезло.

Она не видела, как погасло освещение в салоне. Не видела, как самолет, сминаясь, словно банка из-под кока-колы, падает на склон, оцетинившийся деревьями, круша их и

теряя скорость.

Когда лайнер наконец замер, она не ощутила запаха керосина. Не испытала рвущей тело боли, доставшейся на долю двадцати трех пассажиров, сидевших в передней части аэробуса и принявших на себя сокрушительный удар.

Она не закричала от ужаса, когда загорелся салон, ставший ловушкой для оставшихся в живых ста сорока пяти человек.

29 сентября 1998

23:40

Теперь вы знаете всё.

Кредюль Гран-Дюк поднял перо и невидяще уставился на огромный виварий. Несколько секунд он смотрел на отчаянные метанья арлекина – стрекозы, за которую три недели назад заплатил две с половиной тысячи франков. Редкий вид. Одна из самых крупных в мире стрекоз, точная копия своих доисторических предков. Арлекин, длинным телом выделявшийся из десятков судорожно копошащихся сокамерниц, перелетал от стенки к стенке, снова и снова безнадежно тычась в стекло. Тюрьма. Ловушка.

Они чувствовали, что скоро умрут.

Перо вернулось к листу бумаги. Кредюль Гран-Дюк нервно дернул рукой.

Я собрал в этой тетради все улики, все следы, все версии. Восемнадцать лет расследований. Все здесь, на этой сотне страниц. Если вы читали их внимательно, то сейчас знаете столько же, сколько известно мне. Возможно, вы окажетесь проницательней? Возможно, поймаете нить, которую я упустил? Найдете ключ к разгадке? Если он вообще существует... Возможно, возможно...

Почему бы и нет?

Но для меня все кончено.

Перо задрожало и замерло, зависнув в нескольких миллиметрах от тетрадного листа. Голубые глаза Кредюля Гран-Дюка снова скользнули по стеклянной стенке вивария, метнулись к камину, в котором языки пламени пожирали сваленные грудой газеты, документы и картонные папки, и вернулись к столу. К строкам в тетради.

Было бы преувеличением сказать, что я не испытываю ни сожалений, ни угрызений совести. Но я сделал все, что мог.

Кредюль Гран-Дюк долго всматривался в последнюю написанную строчку, а затем медленно закрыл светло-зеленую тетрадь.

Я сделал все, что мог, повторил он про себя и остался доволен этим заключением.

23:43

Он поставил ручку в стакан, достал из правого ящика стола пачку желтых стикеров, оторвал один и прикрепил к обложке тетради. Рука снова потянулась к стакану с ручками и карандашами. Выбрав маркер, он крупными буквами вывел на листке: *Для Лили*. Оттолкнул от себя тетрадь и встал из-за стола.

Сверкнула медным блеском лежащая на столе табличка: *Кредюль Гран-Дюк. Частный детектив*. Он не сдержал кривой ухмылки. Все давным-давно привыкли называть его Гран-Дюком, забыв о нелепом имени. Все, кроме, может быть, Эмили и Марка Витраль. Да и то это было много лет назад. Когда они были маленькими. Вечность назад.

Гран-Дюк прошел на кухню. Окинул взглядом металлическую раковину, стены, выложенные белой восьмиугольной плиткой, закрытые шкафчики светлого дерева.

Идеальный порядок, все вымыто, сияет чистой; мельчайшие следы протекавшей здесь жизни скрупулезно уничтожены, как в съемном доме, возвращаемом владельцу. Гран-Дюк всегда отличался аккуратностью и педантичностью во всем, до самого последнего пустяка. Он знал за собой эту черту. Многие объяснявшую. Практически все.

Он подошел к камину, приложил ладони, ощутил тепло. Наклонился и бросил в огонь еще две картонные папки. И отшатнулся от снопа искр.

Это туфик.

Он потратил тысячи часов, копаясь в деталях этого дела. И все улики, заметки, выводы сейчас обращаются в пепел. Еще пара часов – и от его расследования не останется и следа.

Восемнадцать лет поисков псу под хвост.

Ну не смешно ли?

В пламени камина горела вся его жизнь. Жизнь, единственным свидетелем которой был он сам.

23:49

Через 14 минут Лили исполнится восемнадцать лет. Во всяком случае, официально исполнится. Кто же она такая? Он так и не пришел к окончательному выводу. Пятьдесят на пятьдесят. Как и в первый день работы. Орел или решка.

Лиза-Роза или Эмили?

Он потерпел неудачу. Матильда де Карвиль истратила целое состояние. Восемнадцать лет оплачивала его труды. Ради чего?

Гран-Дюк приблизился к письменному столу и налил себе еще бокал желтого вина^[1]. Пятнадцатилетней выдержки, из особых запасов Моники Женевэ. В конечном итоге, возможно, единственный приятный момент во всем расследовании. Поднося бокал к губам, он улыбнулся. Нет, в Гран-Дюке не было ничего от карикатурного пьянчуги-сыщика. Пил он редко, только если был важный повод, зато в вине разбирался превосходно. И разве день рождения Лили – не достойный повод? Не говоря уж о том, что это последние минуты его жизни.

Детектив одним глотком допил вино.

Пожалуй, это одно из того немногого, что достойно сожаления, – ни с чем не сравнимый вкус желтого вина, то поразительное ощущение, что оно производит, обжигая своей восхитительной терпкостью и заставляя на миг забыть о наваждении, освободиться от мучительных раздумий над тайной, разгадке которой он посвятил жизнь.

Гран-Дюк поставил бокал на стол и потянулся за светло-зеленой тетрадью, и желая, и не решаясь напоследок открыть ее. Уставился на желтый квадратик с надписью «Для Лили».

После него останется эта тетрадь, эта сотня страниц, написанных в последние дни. Пусть они ее прочитают – и Лили, и Марк, и Матильда де Карвиль, и Николь Витраль, и полиция, и адвокаты, и любой другой, кому захочется с головой нырнуть в этот омут...

Это будет увлекательное чтение, вне всякого сомнения. Подлинный шедевр детективного жанра. История, от которой захватывает дух. Всё здесь, в тетради.

Всё. Кроме окончания.

С тем же успехом он мог оставить им детектив с вырванной последней страницей или триллер, в котором последние пять строк стерты.

Жульничество? Конечно.

Но, может быть, его читатели решат, что они умнее его, и, не жалея сил, начнут искать

разгадку.

Он ведь поначалу тоже верил в успех. В нем всегда жила уверенность, что доказательство существует, что у этого уравнения есть решение, а он просто что-то упустил. Это было всего лишь смутное ощущение, но оно не желало его покидать. И позволило ему дожить до нынешнего дня, до дня окончательного провала, потому что ровно через десять минут Лили исполнится восемнадцать... Как знать, может быть, иллюзорная вера в успех сидела где-то глубоко в его подсознании, не давая ему опустить руки. Все-таки это было бы слишком жестоко – потратить столько лет на поиски ключа к несуществующей двери...

Я сделал все, что мог. Гран-Дюк перечитал написанные им слова. Ладно, остальное его больше не касается.

Обвел комнату прощальным взглядом. Хотел было выбросить пустую бутылку и вымыть бокал, но передумал, улыбнувшись сам себе. Полицейских и врачей, которые будут стоять над его телом, вряд ли смутит грязный бокал. Стол красного дерева и наощенный паркет будут забрызганы его кровью и ошметками мозгов. Та еще картина. Если только его исчезновение не будет обнаружено сразу, что само по себе маловероятно (кто его хватится?), соседи забьют тревогу, когда запах станет невыносимым, а это значит, что здесь будет лежать полуразложившийся труп, по которому с мерзким жужжанием ползают жирные мухи.

Лишний довод «за», подумал Гран-Дюк.

Подобрал и бросил в камин отлетевший в сторону картонный квадратик.

Если собрался уходить, уйди красиво.

Гран-Дюк медленно подошел к секретеру красного дерева, стоявшему в углу, напротив камина. Открыл средний ящик, достал из кобуры идеально вычищенный револьвер «матеба», серебристо блеснувший в отсветах пламени. Пошарив рукой в глубине, нащупал три патрона 38-го калибра.

Улыбнулся. Заученным движением откинул барабан и аккуратно уложил в гнезда патроны.

В принципе, хватит и одного, даже если он не вполне трезв и рука может дрогнуть. Но приставить дуло к виску и нажать на спусковой крючок он как-нибудь сумеет.

Вряд ли промахнется. Несмотря на 620 миллилитров алкоголя в крови.

Положив револьвер на стол, выдвинул левый ящик и достал пожелтевший от времени номер газеты «Эст републикен». Он потратил несколько месяцев, обдумывая, как обставит сцену своего ухода, и разработал целый ритуал, который должен помочь ему разом покончить со всем этим делом и вырваться из проклятого лабиринта.

23:54

Языки пламени в камине доедали последние бумажные листки. Детектив скользнул взглядом к виварию, откуда доносился отчаянный стрекот. Он отключил электрическое питание полчаса назад. Без пищи, лишённые кислорода, стрекозы не протянут и недели. А ведь он потратил немислимые деньги на приобретение наиболее редких видов, долгие годы ухаживал за виварием, кормил его обитательниц мелкими насекомыми, следил за ними, спаривал, а уезжая по делам, поручал заботу о них специальной фирме.

Теперь они тоже умрут. Вместе с ним.

Вообще-то говоря, подумал Гран-Дюк, довольно приятно сознавать, что ты волен распоряжаться чужой жизнью: сначала опекаешь человека, а потом приговариваешь его к смерти; сначала даришь надежду, а потом приносишь в жертву. Играешь с чужими судьбами, словно лукавое и непредсказуемое божество... Но разве он сам – не жертва столь же

беспощадного божества?..

Кредюль Гран-Дюк сел за стол и машинально отодвинул подальше светло-зеленую тетрадь, словно боялся, что на нее попадут брызги крови.

Развернул «Эст републикен». Номер от 23 декабря 1980 года. В который раз прочитал заголовок на первой полосе: «Чудесное спасение в Мон-Террибль».

Огромные буквы занимали большую часть газетной полосы. Под ними помещалась не слишком четкая фотография: искореженный остов самолета, вырванные с корнем деревья, истоптанный спасателями снег. Ниже шел короткий текст с описанием случившейся катастрофы.

В ночь с 22 на 23 декабря 1980 года на склонах Мон-Террибль, на франко-швейцарской границе, потерпел крушение аэробус 5403 «Стамбул – Париж». 168 из 169 пассажиров и члены экипажа погибли в результате столкновения с землей и вспыхнувшего затем пожара. Чудом спасся лишь трехмесячный ребенок, которого выбросило наружу до того, как самолет охватил огонь.

Гран-Дюк поднял глаза. Вот так он и умрет. Чуть наклонится вперед и пустит пулю себе в висок. Голова упадет на раскрытый газетный лист. Его кровь зальет страшный снимок, смешавшись с кровью ста шестидесяти восьми погибших. Его найдут через несколько дней или недель. Жалеть о нем некому. Не Карвилям же? Разве что Витрали, может быть, немного огорчатся. Эмили, Марк... Но больше всех – Николь.

Жестокая ирония судьбы.

После его смерти тетрадь отдадут Лили. Все правильно, ведь в ней – ее жизнеописание. Его завещание.

Гран-Дюк почти горделиво в последний раз полюбовался на свое отражение в медной табличке. Что ж, это будет хороший конец. Много лучше, чем все остальное.

По крайней мере, ему в этой жизни крупно повезло. Расследование длиной в восемнадцать лет...

23:57

Пора.

Он бережно передвинул газету, чтобы она лежала прямо перед ним. Наклонился над столом, взмокнувшая ладонь обхватила рукоятку револьвера.

Медленно поднял руку.

От прикосновения к виску холодного металла невольно вздрогнул. Ничего, он готов. Спасибо выпитому вину.

Выбросить из головы все мысли. Главное – не думать о пуле. Сейчас она в нескольких сантиметрах от его мозга, а через пару секунд разнесет ему череп.

Не думать ни о чем. Вглядеться в небытие.

Указательный палец нащупал спусковой крючок. Надо просто нажать, и все будет кончено.

Закрывать глаза? Или оставить их открытыми?

Капля пота скатилась со лба и шлепнулась на газету.

Открой глаза и сделай это.

Он качнулся вперед и остановил взгляд на газетном листе, лежащем в двадцати

сантиметрах от лица. В последний раз посмотрел на обгорелые останки самолета. Посмотрел на фигуру пожарного, того сняли перед больницей в Монбельяре, с посиневшим младенцем на руках. Чудом спасшийся ребенок.

Палец на спусковом крючке напрягся.

23:58

Детектив скользнул опустевшим взглядом по газетной странице. Черные строчки расплывались перед глазами. Пуля, не встретив ни малейшего сопротивления, легко пробьет висок. Одно движение пальца, всего на пару миллиметров... Он сфокусировал взгляд на вечности, и пятна типографской краски обрели четкость, как будто кто-то подкрутил объектив фотокамеры. В последний раз посмотреть на мир через это окно, пока все не потонуло в смертном тумане.

Палец. Спусковой крючок.

Широко открытые глаза.

Неожиданно Гран-Дюк вздрогнул всем телом, словно от удара электрическим током.

Невероятно! Он все понял!

Палец медленно сполз со спускового крючка.

Вначале Гран-Дюк решил, что ему почудилось. Просто глюк. Защитная реакция мозга перед лицом неминуемой смерти.

Но нет!

То, что увидели его глаза на газетной странице, было абсолютно реальным. Бумага пожелтела, и краски выцвели, но никаких сомнений не оставалось.

Вот оно, решение загадки.

Мозг работал с поразительной ясностью. За все эти годы он перебрал десятки, сотни версий, но лишь теперь ему удалось ухватиться за кончик нити. Надо только потянуть за нее, и клубок распутается с пугающей простотой.

Истина казалась такой очевидной.

Он опустил оружие. Из горла помимо воли вырвался идиотский смешок.

Он посмотрел на часы.

23:59

Все еще не верилось, что это случилось. Руки тряслись. От затылка по позвоночнику прокатилась волна дрожи.

Он нашел разгадку!

Она с самого начала была здесь, на первой странице газеты. И терпеливо ждала своего часа. Потому что восемнадцать лет назад никто не сумел бы ее распознать. Все читали и перечитывали эту газету, вглядывались в детали и изучали подробности, но... Ни в 1980 году, ни в последующие годы догадаться о том, что ключ к тайне спрятан здесь, было попросту невозможно.

Решение лежало на поверхности. Но чтобы обнаружить его, необходимо было выполнить одно условие.

Одно-единственное. Совершенно безумное.

Взять в руки газету восемнадцать лет спустя.

2 октября 1998

08:27

Кто же они друг другу, эта парочка? Влюбленные или брат с сестрой?

Этот вопрос вот уже почти месяц терзал Мариам – хозяйку бара «Ленин», расположенного на перекрестке Сталинградского проспекта и улицы Свободы, в нескольких метрах от входа в университет Париж-VIII-Венсен-Сен-Дени. Бар в ранний утренний час пустовал на три четверти, и Мариам пользовалась моментом, чтобы расставить столы и стулья.

Парочка сидела на своем обычном месте в глубине зала, возле окна, за маленьким столиком на двоих. Они держались за руки и смотрели друг другу в глаза. У обоих – голубые.

Любовники?

Друзья?

Брат с сестрой?

Мариам вздохнула. Ее раздражала неопределенность. В большинстве случаев она могла довольно точно сказать, кто с кем из ее студентов крутит любовь. Она задвигалась быстрее. Надо еще протереть столы и хорошо бы подмести. Через несколько минут со станции «Сен-Дени-Университет» – конечной на 13-й линии метро – хлынет толпа спешащих, взбудораженных и уже усталых студентов... Станция открылась всего четыре месяца назад, но за это короткое время совершенно преобразила квартал. Университет в Сен-Дени теперь напрямую связан с центром Парижа.

Мариам быстро расставила вокруг столов дополнительные стулья. Среди тысяч прилежных и озабоченных учебой студентов немалую долю составляли те, кто перед лекциями обязательно заглянет в «Ленин» – выпить чашку кофе и спокойно выкурить сигарету, оттягивая минуту, когда надо будет тащиться в аудиторию. Подумаешь, опоздаю немного... А может, вообще прогулять? Мариам привыкла к тому, что без четверти девять в ее заведении начинается столпотворение. У нее на глазах университет Париж-VIII-Венсен-Сен-Дени, знаменитый своими гуманитарными факультетами и бунтарскими настроениями, превращался в заурядный вуз на городской окраине. Нынешняя профессура воротила нос от Парижа-VIII – им подавай Сорбонну, в крайнем случае Жювьё...^[2] Пока здесь не было метро, преподавателям приходилось ходить через квартал Сен-Дени и тем самым более или менее проникаться атмосферой этого района. Но теперь все иначе. Едва покинув здание университета, они ныряют под землю, садятся на поезд 13-й линии – и вперед, к столичной культуре, библиотекам, лабораториям, министерствам и прочим прекрасным вещам...

Мариам повернулась к стойке за губкой и исподтишка покосилась на парочку, которая не давала ей покоя, – красивую белокурую девушку и явно робеющего в ее присутствии здоровяка-парня.

Нет, они ей все нервы вымотают. Она уже ни о чем другом думать не может.

Кто они друг другу?

Мариам ничего не понимала в системе высшего образования, все эти зачеты, модули, забастовки ни о чем ей не говорили, но она как никто знала, что такое перемена. Она никогда не читала работ Робера Кастеля, Жюль Делёза, Мишеля Фуко, Жака Лакана и прочих звезд Парижа-VIII, может, пару раз видела кое-кого из них у себя в баре или на площадке

возле университета, но считала себя крупным специалистом в психологии, социологии и философии – правда, в достаточно узкой области, касающейся студентов и их взаимоотношений. Среди завсегдатаев бара у нее были свои любимчики, и она, как хлопотливая наседка, опекала их, а влюбленным раздавала советы, ничем не уступавшие рекомендациям лучших профессионалов.

Мариам еще раз посмотрела на парочку возле окна. Несмотря на весь ее опыт, несмотря на всю ее интуицию, эти двое оставались для нее загадкой.

Эмили и Марк.

Она злилась, что не может с ними разобраться.

Робкие любовники или родственники?

Тайна, покрытая мраком. Мариам так и не пришла ни к какому выводу. Что-то с ними было не так. Вроде похожи, но в то же время совершенно разные. Как их зовут, Мариам знала – она помнила имена всех постоянных посетителей.

Парень, Марк, учился в Париже-VIII уже два года и был в «Ленине» частым гостем. Высокий, пожалуй даже симпатичный, но какой-то слишком правильный, что ли... Этаким лохматый «маленький принц», чересчур мечтательный и малость неуклюжий; похож на вечного первокурсника, не знающего правил и постоянно попадающего впросак; явный провинциал, к тому же небогатый: одевается чуть старомодно – видно, на крутые шмотки денег нет... В учебе тоже серединка на половинку. Насколько она поняла из разговоров, Марк учился на юридическом факультете и изучал европейское право. Все эти два года вел себя спокойно, больше слушал, чем говорил. Теперь Мариам знала почему.

Он ждал ее. Свою Эмили.

Она поступила в этом году, в сентябре. Значит, она года на два-три моложе его.

Кое-что общее в них было. Например, слегка просторечный выговор. Мариам затруднялась определить его происхождение, но то, что оба говорили одинаково, отметила с ходу. Между тем с Эмили этот выговор не монтировался совершенно, как, впрочем, и имя – слишком простое и обычное: *Эмили*. У Эмили были светлые волосы, как и у Марка, и голубые глаза – тоже как у Марка. Какие-то черты сходства между ними, бесспорно, имелись, но... Насколько неловким, простоватым, зажатым в каждом своем жесте выглядел Марк, настолько же Эмили казалась раскрепощенной и наделенной каким-то неуловимым аристократизмом, проглядывавшим в горделивой посадке головы и врожденной грации движений, которая передается по наследству от долгой череды благородных предков и шифруется воспитанием в особой, привилегированной среде... Возможно, в каком-нибудь другом, знаменитом университете вроде Эколь Нормаль Сьюперьёр или на великосветском приеме девушек с аурой, подобной той, что окружала Эмили, полным-полно, но здесь, в квартале Сен-Дени, она явно выделялась из общей массы.

Еще одна загадка была связана с деньгами. Уровень жизни Эмили не имел ничего общего с тем, что мог себе позволить Марк. Мариам умела с одного взгляда определить, где и почем куплены тряпки, в которых ходят ее студенты, – в Н&М или в «Заре», у «Дженнифер» или в бутике «Ив Сен-Лоран»...

До «Ив Сен-Лорана» Эмили, похоже, недотягивала, но совсем чуть-чуть. Ее одежда отличалась простотой и элегантностью, оранжевая шелковая блузка и черная, асимметричного покроя юбка стоили, надо думать, небольшого состояния. Вывод: даже если Эмили и Марк родились и жили в одном и том же городе, принадлежали они к разным кругам общества.

И при этом были неразлучны.

Между ними угадывалась настоящая близость, а за месяц-другой совместной учебы такая просто не успевает сложиться. Они производили впечатление людей, знакомых с детства. Эта близость проскальзывала в тысяче мелких, привычных до автоматизма знаков внимания, какие Марк оказывал Эмили, – достаточно было посмотреть, как он касается рукой ее плеча, как отодвигает для нее стул, как придерживает перед ней дверь или наполняет ее бокал...

Мариам с легкостью расшифровала эти проявления заботы: так старший брат ведет себя с младшей сестрой.

Она протерла стул и со стуком поставила его на место, не переставая думать о странной парочке.

Эмили поступила в Париж-VIII в сентябре. Как будто приехала на подготовленную Марком площадку. Как будто он два года держал для нее место в аудитории и стол у окна в баре «Ленин». Мариам догадывалась, что учится Эмили блестяще, что она из тех студентов, что все схватывают на лету и полны честолюбивых помыслов. Изучает искусство или литературу. От Мариам не укрылось, с какой заинтересованностью Эмили читала учебники и другие книги, с какой легкостью, буквально по диагонали просматривала конспекты, над которыми Марк корпел часами.

Выходит, все-таки брат и сестра? Несмотря на социальные различия?

Ага, как же! Марк явно влюблен в Эмили.

Не увидит этого разве что слепой.

Марк любит ее. И никакой не братской любовью. Страсть, пожиравшая его изнутри, не могла укрыться от зоркого ока Мариам. Ошибка исключена.

Мариам понимала, что больше уже ничего не понимает.

Она следила за ними уже почти месяц. Любопытство было сильнее ее. Порой ей удавалось заметить у них на столе надписанную тетрадь с конспектами. Так что их фамилию она знала.

Марк Витраль.

Эмили Витраль.

Но даже общая фамилия ни о чем не говорила. Логично предположить, что перед ней брат с сестрой, но тогда откуда эти касания, которые наводят на мысли об инцесте? Она своими глазами видела, как Марк гладил Эмили по спине. Конечно, они могут быть женаты... Это в восемнадцать и двадцать лет? При том, что оба студенты? Случай маловероятный, но не невозможный. Или однофамильцы? Нет, в такие совпадения Мариам не верила. Если только они не дальние родственники. Какая-нибудь запутанная семейная история с приемными детьми и прочим в том же духе...

Мариам с яростью протирала и передвигала стулья, на что чашки за барной стойкой отзывались возмущенным звяканьем.

Судя по всему, Эмили очень привязана к Марку. Но во взглядах, которые она бросала на него, – особенно когда думала, что на нее никто не смотрит, – читались чувства более сложные, чем любовь. Казалось, ее гложет изнутри какая-то боль... Эта глубоко запрятанная печаль выделяла Эмили из толпы беззаботных студенток и придавала ей особое очарование. Завсегдатаи бара «Ленин», принадлежащие к мужскому полу, дружно пялились на нее, но ни один не смел за ней приударить – ее отстраненность словно держала их всех на расстоянии.

Всех, кроме Марка.

Он и находился здесь только ради Эмили. Не ради учебы, не ради науки. Исключительно ради нее – чтобы быть рядом и защищать.

Телохранитель.

Уж это-то Мариам сразу поняла.

Но остальное? Что же все-таки их связывает? Мариам не раз и не два заводила с Эмили и Марком разговоры на самые разные темы, но так ничего и не выпытала.

А, ладно, что толку голову ломать? В один прекрасный день она все узнает.

Она торопливо протирала последний стол, когда Марк махнул ей рукой.

– Мариам! – позвал он. – Принеси нам два кофе, пожалуйста. И стакан воды для Эмили.

Мариам усмехнулась про себя. Марк никогда не заказывал кофе, если приходил один. А вот если был с Эмили – всегда. Большую чашку.

– Сейчас принесу, голубки, – ответила Мариам.

Она назвала их так намеренно, чтобы подразнить.

Марк смущенно улыбнулся. Эмили – нет. Она сидела, низко опустив голову. Мариам только сейчас заметила, что Эмили нынче утром выглядит просто ужасно, как человек, всю ночь не сомкнувший глаз. Ее вежливая улыбка и безупречный, как всегда, наряд могли обмануть кого угодно, но только не Мариам. Готовилась к важному экзамену или зачету? Спешно дописывала курсовую?

Нет, учеба тут ни при чем.

Мариам вытряхнула в ведро кофейную гущу, сполоснула фильтр и включила кофемашину. Две чашки эспрессо.

Случилось что-то серьезное.

Впечатление такое, словно Эмили собирается сообщить Марку крайне неприятную новость. Мариам на своем веку перевидала сотни прощальных свиданий. Сначала бурное объяснение, а потом парень остается понуро сидеть перед своей чашкой кофе, а девушка уходит, чуть смущенная, зато свободная. Глядя сейчас на Эмили, можно было предположить, что она всю ночь мучительно раздумывала, но к утру приняла окончательное решение – и плевать на последствия.

Мариам медленно шла в дальний угол бара «Ленин», держа в руках поднос с двумя чашками кофе и стаканом воды.

Бедный Марк. Неужели он еще не догадался, что его дело швах?

Уж в чем в чем, а в бестактности Мариам никто бы не упрекнул. Она молча поставила на стол чашки и стакан, развернулась и удалилась, даже не стараясь прислушаться к чужому разговору.

2 октября 1998

08:41

Марк подождал, пока Мариам отойдет подальше. Затем наклонился к прислоненному к стулу рюкзаку, порылся в нем и достал небольшую квадратную коробочку, завернутую в серебряную бумагу.

– С днем рождения, Эмили! – весело сказал он. И протянул девушке подарок.

Эмили посмотрела на него с притворным негодованием.

– Хватит, Марк! – сердито произнесла она. – За последнюю неделю ты поздравляешь меня уже в третий раз! Хотя прекрасно знаешь, что мне ничего не нужно...

– Тсс. Открой.

Эмили нахмурилась и развернула упаковку. В коробочке лежало серебряное украшение. Причудливой формы крест: на концах нижней и боковых перекладин – ромбики, наверху – большой круг, увенчанный короной. Эмили достала крест.

– Марк, ты с ума сошел...

– Это туарегский крест! Вроде бы существует двадцать одна их разновидность. В каждом городе Сахары – своя. Этот крест из Агадеса. Тебе нравится?

– Ну конечно, нравится. Но...

Марк не дал ей договорить:

– По преданию, оконечности креста представляют собой четыре стороны света. Тот, кто дарит другому такой крест, преподносит ему в дар весь мир.

– Я уже слышала эту легенду, – тихо ответила Эмили. – «Дарю тебе все четыре стороны света, потому что мне не дано знать, где ты умрешь».

Марк не сдержал смущенной улыбки. Разумеется, Эмили отлично разбирается в туарегских крестах – как, впрочем, и во всем остальном. Они немного помолчали. Эмили протянула руку к чашке. Марк машинально сделал то же. Его пальцы скользнули вперед в надежде соприкоснуться с пальцами Эмили, но замерли на полпути, и рука бессильно опустилась на стол. У Эмили на безымянном пальце красовалось кольцо. Золотое кольцо тонкой работы со светлым сапфиром, великолепное старинное украшение – без сомнения, ценной в целое состояние. Марк видел его в первый раз. В душе поднялась волна ревности, затуманившая взор, – так случалось всякий раз, когда с Эмили происходило что-то, о чем он не знал и что заставляло его почувствовать, что между ними пропасть.

– Это... Это кольцо... – с трудом выдавил он. – Это твое?

– Нет, не мое. Украла сегодня утром в ювелирном на Вандомской площади!

Марк ничего не сказал. У него дергалось веко. По сравнению с этим кольцом туарегский крест, стоивший ему трех ночных дежурств плюс выходные в отделе связей с клиентами компании «Франс Телеком», где он подрабатывал, выглядел дешевой побрякушкой. Ну да, Лили уже убрала подаренное им африканское украшение назад в футляр. А антикварное кольцо и не подумала снять с пальца...

Он через силу глотнул кофе и пробормотал:

– Откуда у тебя?.. Кто-то подарил? На день рождения?

Эмили медленно опустила глаза:

– В каком-то смысле, да. Долго объяснять. Красивое, правда? – Чуть помолчав, она

добавила: – Я все тебе расскажу. Не злись. И вообще не бери в голову. Кольцо – ерунда.

Она накрыла его руку своей.

Не бери в голову. Кольцо – ерунда.

Эти слова привели Марка в смятение. Что она хотела ими сказать? Лили сегодня утром выглядела ужасно, как будто не спала всю ночь. Но пыталась ему улыбаться, по привычке подливая себе в кофе немного воды. И вдруг, словно решившись, вскинула голову и посмотрела на него, во взгляде что-то блеснуло. Отпила немного из чашки, сунула руку в сумку и достала светло-зеленую общую тетрадь.

– Держи, – сказала она, протягивая тетрадь Марку. – Я тоже хочу сделать тебе подарок.

Марка окатила новая волна тревоги.

– Что это?

– Записи Гран-Дюка, – быстро ответила Эмили, – он принес мне ее позавчера. На второй день после моего дня рождения. Вернее, не принес, а положил в почтовый ящик. Или попросил кого-то положить. Я нашла ее утром.

Марк осторожно потрогал тетрадь. У него опять задергалось веко.

Тетрадь. Записи Гран-Дюка. Теперь он понял. Эмили провела последние двое суток за чтением этой тетради. Результаты восемнадцати лет расследования, которое вел этот сумасшедший частный сыщик. Целая жизнь. Жизнь Эмили – день в день.

Ничего себе подарочек на день рождения!

Марк вглядывался в лицо Эмили, пытаясь угадать, о чем она думает. Что она обнаружила в этой тетради? Какую истину? Нашла себе новую личность? Обрела спокойствие? Или не нашла ничего? Одни вопросы – без ответов...

Но лицо Эмили оставалось непроницаемым. В эту игру ее не переиграешь. Как ни в чем не бывало подливала воду себе в чашку, словно исполняя привычный ритуал, и пила маленькими глотками.

– Как видишь, Марк, в конце концов он мне ее отдал. Как и обещал. Подарил мне правду. В честь моего вступления во взрослую жизнь.

Эмили рассмеялась – скорее нервно, чем непринужденно. Марк все не решался взять в руки тетрадь.

– Ну и?.. – не выдержал он. – Что он там пишет, в этой тетради? Что-нибудь важное? Ты... ты теперь знаешь?

Эмили его будто и не слышала. Демонстративно отвернувшись, она изучала взглядом площадь перед университетом, заполнявшуюся студентами.

– Знаю что?

Марк испустил вздох отчаяния. «Знаешь, за что этому проклятому сыщику столько лет платили деньги? Знаешь, кто ты на самом деле, Лили? Кто ты?» Эти слова рвались из него, но он не осмелился произнести их.

Эмили рассеянно покручивала кольцо. Ее точно окутало облаком равнодушной усталости. Тревога Марка волновала ее меньше всего.

– Теперь твоя очередь, Марк. Ты тоже должен прочитать эту тетрадь.

Мысли в голове беспорядочно метались. Он даже чуть было не забыл про странное кольцо, невесть откуда появившееся на руке Эмили. Кто его подарил? Когда? Зачем? Марк увидел, как она подталкивает к нему тетрадь, и услышал свой собственный голос:

– Хорошо, стрекозка. Я ее прочту, эту чертову тетрадь. – Чуть поколебавшись, спросил: – Ты как? Нормально?

– Конечно. Все в порядке.

Эмили поднесла к губам чашку и заставила себя сделать глоток.

Какое там в порядке!

У нее явно что-то стряслось. Скорее всего, что-то узнала из тетради Гран-Дюка.

Узнала, кто она такая?

– А записку он не приложил? Я имею в виду, к тетради?

– Нет. Да и зачем? Там и так все написано.

– И?..

– Сам прочти. Будет лучше, если ты прочтешь сам.

– А где сейчас Гран-Дюк?

Взгляд Эмили затуманился, словно знание, которым она обладала, было столь ужасно, что у нее язык не поворачивался его озвучить. Она не отрываясь смотрела на часы.

– Тебе что, пора бежать? – встрепенулся Марк.

– Да. У меня утром нет лекций. А у тебя есть. В десять ноль-ноль. Европейское конституционное право. А потом семинар у молодого дарования Грандена! Так что я пошла, Марк.

Марк скривился:

– Ты куда?

Эмили вылила в чашку остатки воды, медленно выпила и подняла на Марка усталый взгляд. Затем наклонилась к сумке и почти тотчас снова выпрямилась.

– У меня... У меня есть для тебя еще один подарок.

И протянула ему завернутый в подарочную бумагу предмет размером чуть больше спичечного коробка.

Марк застыл.

Его охватило предчувствие несчастья. Эмили вела себя до ужаса неестественно. Изображала веселье, прикидывалась беззаботной.

– Но только сейчас не открывай, – попросила его Эмили. – Откроешь после того, как я уйду. Не раньше чем через час. Обещай! Учти, я тебе доверяю. Представь, что мы играем в прятки. Ты должен дать мне время спрятаться. Закрой глаза и сосчитай, ну, допустим, до тысячи...

Похоже, Эмили собрала в кулак остатки самообладания, чтобы превратить свою просьбу в шутивную игру. Но Марка ее потуги не обманули.

– Обещаешь? – настойчиво спросила Эмили.

Марк смиренно кивнул. Их взгляды встретились. Первой не выдержала и моргнула Эмили.

– Боюсь, ты меня надуешь. Я тебя знаю, ты упрям как осел. Не успею я выйти за дверь, как ты бросишься открывать подарок...

Марк не стал с ней спорить. Эмили подняла свою красивую руку.

Опять это проклятое кольцо.

– Мариам?

Хозяйка бара словно только и ждала приглашения. В долю секунды она оказалась возле стола, за которым сидели Марк и Эмили.

– Мариам, я хочу поручить тебе одно важное дело. Вот, возьми это. Отдашь Марку ровно через час и ни минутой раньше. Он будет тебя уговаривать, попытается подкупить или запугать, но ты не поддавайся. Кстати, проследи, пожалуйста, чтобы через час он отправился

на лекцию. Аудитория В318. И пусть не опаздывает!

Мариам взяла маленький пакет.

– Мариам, я тебе доверяю.

Что ей оставалось? Эмили встала, сунула в сумку футляр с туарегским крестом и чмокнула Марка в щеку. Или в краешек губ? Нарочно, что ли, чтобы подразнить Мариам?

Эмили толкнула стеклянную дверь бара «Ленин» и исчезла, смешавшись на площади с толпой студентов. Была – и нет.

Дверь за ней закрылась.

Мариам сжала в ладони пакет. Разумеется, она сделает, как просила Эмили, хотя эта игра совсем ей не нравится. За долгие годы Мариам насмотрелась на влюбленные парочки в ссоре. Если девушка решила бросить парня, она чего только не придумает. Диву даешься, какая у девчонок богатая фантазия.

И Эмили из их числа.

От всей этой сцены за милю несло фальшью. Эмили сбежала, оставив подарок для Марка, больше всего напоминавший мину замедленного действия. Как только Марк ее отпустил? Хороший он парень, но до чего наивный... Мариам так и не пришла ни к какому выводу относительно того, кем ему приходилась эта девушка – сестрой, женой, любовницей или просто подругой; она по-прежнему не понимала, что их связывает, но точно знала, что задумала Эмили.

Порвать эту связь.

2 октября 1998

09:02

Марк смотрел на хлопчущую за стойкой бара Мариам. Не переставая принимать заказы, она сунула переданный Эмили пакетик в ящик кассы. По тому, как она покосилась на него, Марк понял: нечего и думать, что удастся ее уговорить. Женская солидарность. Он в отчаянии уставился на лежащую на столе зеленую тетрадь Кредюля Гран-Дюка. Эмили хорошо знала, что делает. До начала занятий у него еще целый час. Первым в расписании идет скучный до зевоты семинар по европейскому конституционному праву под руководством молодого препода, который половину времени тратит на болтовню по мобильному телефону. Эмили все рассчитала. Заманила его в ловушку. Надо же ему как-то убить этот час.

В «Ленине» уже было не протолкнуться. Какой-то верзила поинтересовался, можно ли ему присесть к Марку за стол, и тот рассеянно кивнул. На красно-белых часах с маркой «Мартини» было 09:03. Понимая, что выбора у него нет, Марк все же медлил открывать тетрадь. Медленно провел рукой по гладкой поверхности картонной обложки. Чуть выждал и снова поднял глаза. Черные стрелки часов не сдвинулись ни на миллиметр, словно приклеенные.

09:04

Марк вздохнул.

К кофе он так и не притронулся. Да не станет он его пить! Он вообще не любит кофе. Пожилой профессор, пристроившийся возле стойки с кружкой пива и номером «Ле-Паризьен», с вожделием смотрел на его место. Марк с большим удовольствием уступил бы ему стул, а сам отправился искать Эмили, швырнув тетрадь в урну.

Он перевел взгляд за окно, пытаясь отыскать в многолюдной студенческой толпе силуэт Эмили. Вот если бы они преградили ей путь, а потом расступились, чтобы он смог увидеть ее и броситься к ней... В носу вдруг зашипало. Марк почувствовал, как заколотилось сердце, а в горле вырос ком. Он давно научился распознавать первые симптомы болезни – тахикардия, сбой дыхания. Зря он смотрит на площадь.

Он отвернулся от окна, и сразу задышалось легче.

Пальцы снова легли на светло-зеленую тетрадь.

Эмили выиграла. Как всегда. Хочешь не хочешь, но придется и ему отправиться на встречу с прошлым.

Глубоко вздохнув, Марк открыл тетрадь. Гран-Дюк писал мелким убористым почерком, ровным, хотя и не каллиграфическим. Абсолютно понятным.

Марк наклонился к тетради и нырнул в синие волны букв, слов и строк – точно бросился вниз головой в океан сомнений.

Дневник Кредюля Гран-Дюка

Все началось с катастрофы. Думаю, что до 23 декабря 1980 года никто – или почти никто – и слыхом не слыхивал про Мон-Террибль. В том числе и я. Мон-Террибль – одна из

не самых больших вершин массива Юра, на границе Швейцарии и Франции, возвышающаяся в излучине реки Ду; с французской стороны она граничит с коммуной Монбельяр, со швейцарской – с кантоном Порантрюи. Ничем не примечательная гора высотой 804 метра, на склонах которой пасутся коровы. Однако забраться на нее не всегда бывает легко, особенно зимой, когда гора занесена снегом. Название «Мон-Террибль» если кому и известно, то, может, паре-тройке историков – во времена Революции так именовался франко-швейцарский департамент. Но с тех пор утекло много воды, и про гору все забыли, не считая сотни-другой местных жителей, между собой, кстати, величающих ее коротко «Мон-Терри». Разумеется, когда в ночь с 22 на 23 декабря на юго-западный, французский, склон рухнул аэробус рейса 5403 из Стамбула в Париж, журналисты предпочли полное название. Поставьте себя на их место: «Трагедия на Мон-Террибль»^[3] звучит куда как выразительнее, чем «Трагедия на Мон-Терри»!

Возможно, люди о ней еще помнят. Возможно, нет. Авиакатастрофы в наши дни не редкость и похожи одна на другую. За несколько месяцев до описываемого мною случая на Канарах, близ Тенерифе, разбился Боинг-747. Сто сорок шесть погибших. На следующий год, 1 декабря 1981-го, Дуглас ДС-9, выполнявший рейс Любляна – Аяччо, врезался на Корсике в гору Сан-Пьетро: сто восемьдесят жертв. В истории Корсики это единственная авиакатастрофа. Про нее все точно забыли – кроме корсиканцев, естественно. А вот про крушение самолета близ горы Сент-Одиль^[4] еще помнят – пока эстафету не подхватит кто-нибудь еще.

Но в 1981 году все дружно заговорили о «черной серии».

Чушь полная! Достаточно посмотреть статистику. Вы уж мне поверьте, я обшарил все сайты, посвященные авиационным катастрофам, включая 1001crash.com. Зайдите на него сами и своими глазами убедитесь, насколько точная информация там приведена. Число погибших, технические подробности, чуть ли не посекундное описание последних мгновений перед роковым падением. Это кажется невероятным, но составители сайта установили, что за последние 40 лет самолеты терпели крушение больше 1500 раз, в результате чего погибло двадцать пять с лишним тысяч человек... Подсчитайте сами, получается примерно 40 авиакатастроф в год. Иными словами, каждую неделю в мире разбивается самолет, и далеко не всегда это происходит в Китае или над сибирской тайгой...

Что ж тут удивляться, что про трагедию на Мон-Террибль люди довольно быстро забыли. Что такое сто шестьдесят девять погибших? Пыль. Звездная пыль...

Да я и сам в то время не обратил на этот случай внимания. Ну услышал сообщение по радио... И думать про него забыл. В то утро я был в городе Андае и сидел в засаде. Я тогда расследовал в одном казино финансовые махинации, за которыми явственно маячили баскские террористы. Работенка – не соскучишься. В ту пору я охотно брался за горячие дела, можно сказать, специализировался на них. Частным сыском я занимался уже почти пять лет, потратив предыдущие двадцать на игры в наемника в разных уголках земли. Мой возраст приближался к пятидесяти. В наследство от бурного прошлого мне остались в кашу раздробленная бедренная кость и перекрученный не хуже веревки позвоночник. Когда приходилось вести скрытое наблюдение, я толстел на килограмм в неделю, а чтобы от него избавиться, уходил в лучшем случае месяц. Короче говоря, в шкуре частного детектива я чувствовал себя вполне комфортно, даже если удача сопутствовала мне далеко не всегда.

Новость о крушении самолета я, как и все, услышал по радио, когда сидел в машине на парковке перед казино Андая, и пропустил ее мимо ушей. Откуда мне было знать, что не

пройдет и нескольких месяцев, как эта катастрофа станет для меня смыслом жизни. Вот ведь ирония судьбы!

Аэробус рейса 5403 Стамбул – Париж врезался в гору Мон-Террибль ночью 23 декабря, а если точнее, в ноль часов тридцать семь минут. Никто так и понял, что именно стало причиной крушения. Зима в тот год выдалась скорее мягкая, но накануне утром повалил снег и продолжал идти весь день. К вечеру поднялся буран. Мон-Террибль напоминает нечто вроде ступеньки между швейцарской и французской частями массива Юра. Видимо, пилот ее просто-напросто не заметил. Во всяком случае, так говорили тогда. Действительно, чего проще – свалить вину на бедолагу-летчика, вместе с остальным экипажем и пассажирами сгоревшего в пламени вспыхнувшего пожара. А как же черный ящик? – спросите вы. А никак. Все, что удалось вытянуть из черного ящика, – это что самолет летел на слишком малой высоте, а пилот потерял управление. Ассоциация жертв авиакатастроф и родственники погибшего летчика пытались выяснить, что в реальности произошло, но безуспешно. Так что в конечном счете катастрофу списали на пилота, снегопад, буран, гору, рок, проклятый закон Мёрфи, в соответствии с которым если что-то плохое может случиться, то оно обязательно случается, и, конечно, на невезуху... Был и суд, а как же. Семьи погибших требовали расследования. Но за его ходом никто не следил. Публику интересовало не это.

Самолет рухнул в ноль часов тридцать семь минут. Эксперты установили это задним числом, потому что свидетелей происшествия не было – кроме пассажиров, от которых не осталось ничего, даже разбитых часов с замершими в миг удара стрелками. Перед Рождеством экологи насмерть бились за спасение каждой елочки в области Юра. Аэробус в несколько секунд уничтожил елок больше, чем смогли бы известить все окрестные жители, празднуя Новый год сто лет подряд. Те, что не угодили под упавший самолет, сгорели в пожаре, хоть и утопали в снегу. Самолет прочертил по лесу полосу длиной в несколько сотен метров, после чего упал и взорвался. И горел потом всю ночь.

Первые спасатели прибыли на место катастрофы только час спустя. Пока получили сигнал, пока добрались – на пять километров вокруг на тот момент не оказалось ни одной машины. Тревогу подняли жители долины, заметившие над лесом черный дым. Использовать вертолеты не удалось из-за снегопада. Пожарной команде пришлось взбираться пешком, по горячей просеке. К утру снежная буря улеглась, и Мон-Террибль на несколько часов сделался центром мира. Кажется, потом был судебный процесс, хотя я не уверен. Во всяком случае, какое-то расследование, призванное установить, почему помощь подоспела так поздно, провели, но оно мало кого интересовало. Публику эти детали оставили равнодушной.

Спасатели, должно быть, рассуждали так: зачем спешить, все равно в живых уже никого нет. Именно эта мысль, по всей вероятности, посетила каждого из них при виде смятого в гармошку и объятого пламенем остова самолета. Но пожарные – народ добросовестный, даже в половине второго ночи, даже в горах Юра, даже в буран. И они тщательно обыскали местность – зря, что ли, спешили? Не для того же они примчались сюда, чтобы погреться у гигантского костра, сожравшего весь горный склон и превратившего снежный покров в грязную сажу, а тела ста шестидесяти восьми пассажиров – в угли.

Они осмотрели каждый квадратный метр леса, утирая слезы, выступавшие от разъедавшего глаза дыма и ужаса представшей им картины. Находку совершил молоденький пожарный из бригады города Сошо Тьерри Мушо. Пусть вас не удивляет, что спустя столько лет я привожу вам все эти подробности. Просто поверьте мне, что так все и было. Впоследствии я проговорил с ним наедине несколько часов, пытаясь секунду за секундой

восстановить тогдашние события и заставляя его вспоминать каждую, даже самую пустяковую мелочь. В ту ночь он не сразу сообразил, в чем дело. Вначале ему показалось, что он наткнулся на мертвое тельце. Детский трупик. Тем не менее это было единственное не сгоревшее в огне тело. Ребенок был совсем крошечный, младенец не старше трех месяцев от роду. Во время падения самолета его выбросило из левой двери аэробуса, частично смявшейся при контакте с землей. Так впоследствии утверждали эксперты, пытавшиеся определить, какое место в салоне занимали ребенок и его родители. Не волнуйтесь, позже я к этой теме еще вернусь. Наберитесь терпения...

Тьерри Мушо решил, что нашел безжизненное тело – еще бы, младенец больше часа пролежал на снегу. Однако, наклонившись пониже, он обнаружил, что и лицо, и ручки, и ножки ребенка хоть и бледноваты, но не смертной бледностью. Младенец лежал метрах в тридцати от горящего самолета. Очевидно, его согревал жар этого чудовищного костра. Тогда молодой пожарный из Сошо немедленно, как его и учили, сделал ребенку искусственное дыхание и – очень осторожно – массаж сердца. Выбирая профессию, он и подумать не мог, что ему придется спасать новорожденного, да еще в таких условиях...

Ребенок дышал, хоть и слабо. Несколько минут спустя подоспели врачи, взявшие заботы о нем на себя. Впоследствии медики подтвердили, что жизнь младенцу – это оказалась девочка с невероятно синими для столь юного возраста глазами, а судя по белой коже, француженка – спас исходящий от горячей машины жар. Малютку отбросило достаточно далеко от самолета, чтобы не пострадать от огня, но в то же время достаточно близко, чтобы не замерзнуть в ночном лесу. Чудовищная ирония судьбы: ей не дал умереть пожар, унесший жизни остальных пассажиров, в том числе ее родителей. Во всяком случае, именно это заявили врачи, объясняя чудесное спасение ребенка.

Потому что спасение действительно было чудом!

Подавляющее большинство французских газет, не дожидаясь экспертных оценок, подготовили срочный ночной выпуск, посвященный авиакатастрофе. Единственным изданием, проявившим терпение, был «Эст републикен». Ничем иным, как обостренным чутьем главного редактора, объяснить подобную тактику невозможно. Он вызвал всех своих сотрудников и разослал их по всей области: одни несли дежурство возле полицейских участков, другие – перед входом в больницы. Новость о чуде выжившей девочке стала известна в два часа ночи. И в номере от 23 декабря 1980 года «Эст републикен» напечатал статью под заголовком: «Чудесное спасение в Мон-Террибль». Журналисты не подвели своего шефа: рядом с заметкой были опубликованы фотографии. На первой – пылающий самолет. А на второй, цветной, – пожарный с младенцем на руках стоит перед входом в больницу Бельфор-Монбельяра. Ретушеры постарались подсинить личико ребенка, а заодно и глаза. Короткий текст сообщал: «В ночь с 22 на 23 декабря 1980 года на склонах Мон-Террибль, на франко-швейцарской границе, потерпел крушение аэробус 5403 “Стамбул – Париж”. 168 из 169 пассажиров и члены экипажа погибли в результате столкновения и вспыхнувшего затем пожара. Чудом спасся лишь трехмесячный ребенок, которого выбросило из самолета до того, как его охватил огонь».

Утром вся Франция узнала поразительную новость и содрогнулась. Над судьбой сироты рыдали в каждом доме. Тем же утром заметку из «Эст» перепечатали все газеты, ее цитировали все теле- и радиостанции. Может, вы помните? Вся страна погрузилась в глубокий траур...

Неясным оставалось только одно. «Эст републикен» поместил снимок чудом спасшейся

девочки, но не сообщил ее имени. Сделать это в два часа ночи не представлялось возможным – следовало связаться с отделением «Эр Франс» в Стамбуле. Наверное, именно так рассуждал главный редактор, сказавший себе, что, в конце концов, не так уж и важно, как зовут ребенка. Конечно, если бы на первой полосе газеты под фотографией голубоглазой малютки было напечатано ее имя, эмоциональное воздействие на читателей было бы еще сильнее, но... «Чудесное спасение в Мон-Террибль» тоже звучало неплохо. Плюс сохранялась часть тайны, а значит, будет о чем писать завтра.

Или послезавтра.

Ну и вот.

Имя и фамилия девочки пока оставались неизвестными. И я потратил восемнадцать лет жизни, чтобы их узнать.

2 октября 1998

09:10

Истеричный взрыв хохота, раздавшийся за столом, где теснились пять студентов, вывел Марка из себя. Парни передавали друг другу какие-то фотографии – должно быть, с последней вечеринки. Такие снимки потом обычно хранят долгие годы, припрятав в укромном местечке, чтобы время от времени разглядывать со смешанным чувством стыда и гордости. Марк плохо знал этих ребят; вроде бы они входили в самую крупную студенческую ассоциацию, занимавшуюся организацией внеучебных мероприятий. Университетский кооператив, ксерокопирование лекций и материалов к экзаменам и прочее в том же духе. Вырученные средства как раз и шли на финансирование подобных вечеринок.

Марк поднял глаза.

Если часы не врут, 09:11.

Мариам, демонстративно отвернувшись от него, болтала с девушкой, с головы до ног, включая выглядывавшие из-под низкого пояса юбки трусы, одетой в черное, – вылитая Мортиша Аддамс.

Марк вздохнул и перевернул страницу тетради.

Ничего не поделаешь.

Дневник Кредюля Гран-Дюка

Ну вот. Именно тогда и зародилась тайна Мон-Террибль. Может, вы даже кое-что об этом помните? Хотя поначалу все шло как обычно. Осиротевшего младенца, найденного молодым пожарным, поместили в детское отделение больницы Бельфор-Монбельяра, приставив к нему целую армию врачей.

Я восстановил последовательность событий с точностью до минуты, но избавлю вас от ознакомления с показаниями свидетелей, занявшими долгие часы. Думаю, краткого пересказа будет достаточно, тем более что звучит он весьма поучительно.

Леонс де Карвиль узнал обе новости сразу – и о крушении самолета, и о чуде спасшемся ребенке – из шестичасовых выпусков последних известий по радио. Леонс де Карвиль всегда вставал рано. Одним телефонным звонком он отменил все запланированные на этот день встречи, хотя его деловой график был расписан по минутам, и на частном самолете вылетел в Монбельяр. Леонс де Карвиль, которому тогда было пятьдесят пять лет, принадлежал к сотне крупнейших во Франции промышленников. Инженер по образованию, он сколотил состояние прокладкой трубопроводов по всему миру. Фирма де Карвиля выступала субподрядчиком ведущих транснациональных нефтяных и газовых компаний. Своих выдающихся успехов он добился не потому что при прокладке нефте- и газопроводов использовал какие-то особенные инновационные технологии, а потому что умел работать в самых опасных и труднодоступных районах планеты – его фирма тянула линии трубопроводов под водой, под горными массивами, на сейсмически активных территориях и так далее. По-настоящему фирма расцвела в шестидесятые, когда предложила революционный метод прокладки нефтепроводов в зонах вечной мерзлоты, благодаря чему

даже в разгар холодной войны могла спокойно заниматься экспортом углеводов из Сибири и с Аляски...

Шагая белыми лабиринтами больницы Бельфор-Монбельяра, Леонс де Карвиль хранил на лице выражение спокойного достоинства, немало впечатлившее медицинский персонал, измученный натиском любопытных журналистов.

– Следуйте за мной, – сказала ему замотанная медсестра.

– Где она?

– В отделении для грудничков. Не волнуйтесь. С ней все в порядке.

– Кто ее лечащий врач?

Медсестра удивилась, но после короткого колебания ответила:

– Доктор... Доктор Моранж. Малышку привезли ночью, в его дежурство.

Во взгляде Леонса де Карвиля появился инквизиторский блеск. Но медсестра не стала дожидаться новых вопросов.

– Вам повезло, месье де Карвиль. Это один из лучших наших специалистов. Он еще здесь. Вы можете сами с ним поговорить.

У Леонса де Карвиля дернулся уголок рта. Это могло означать все что угодно – и самодовольство, и настороженность. Он решительным шагом последовал за медсестрой. Больничный персонал прижимался к стенам коридоров, пропуская его.

Прошлой ночью промышленник потерял в трагедии на горе Мон-Террибль единственного сына и невестку. Именно он, признанный успешный бизнесмен, двумя годами раньше настоял, чтобы руководство турецким филиалом компании Карвиля взял на себя его сын. Назначение никого не удивило, все и так знали, что молодой Александр де Карвиль просто обречен стать наследником отца и возглавить компанию. Передачу полномочий планировалось осуществить постепенно. Александр отправился в Турцию набираться опыта, а заодно проверить на практике, чего стоят его дипломы – первый, полученный в Политехническом университете, и второй – на факультете политологии в университете Сьянс-По. Ему предстояло научиться работать в условиях меняющейся политической конъюнктуры, когда после правления милитаристского режима в Турции пришли к власти демократы... Ставка в этой игре была чрезвычайно высока – пожалуй, компания Карвилей еще никогда не играла столь по-крупному. Речь шла о заключении контракта сроком не на одно десятилетие. Александр де Карвиль вместе с семьей перебрался в Турцию, где вел переговоры о прокладке нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, второго по протяженности в мире, около двух тысяч километров, призванного соединить Каспийское побережье со Средиземноморским. Более тысячи километров нефтепровода предполагалось проложить по территории Турции, дотянув нитку до расположенного на юго-восточном побережье Средиземного моря, недалеко от сирийской границы, небольшого портового города Джейхан, где Александр де Карвиль с семьей устроил летнюю резиденцию. Переговоры обещали быть долгими. Действительно, прошло уже два года, а они все еще топтались на месте. Александр большую часть года жил в Турции – вместе с женой Вероникой и дочерью Мальвиной, которой тогда было шесть лет (два из них она провела в Турции). Забеременев вторым ребенком, Вероника отказалась от визитов во Францию. Она отличалась хрупким здоровьем, и врачи категорически не советовали ей совершать длительные путешествия, а летать самолетами просто-напросто запретили. Впрочем, роды

прошли нормально. Маму поместили в крупнейший частный роддом Стамбула, в районе Бакыркёй, и маленькая Мальвина вскоре смогла с нежностью обнять свою новорожденную сестренку Лизу-Розу. Леонс де Карвиль и его супруга Матильда, остававшиеся во Франции, получили красивую открытку и слегка расплывчатую фотографию внучки. Никакой спешки не было, и семейную встречу назначили на Рождество 1980 года. Мальвину де Карвиль отправили во Францию на неделю раньше, в первый день школьных каникул. Александр, Вероника и малютка Лиза-Роза должны были последовать за ней 23 декабря, вечерним самолетом «Стамбул – Париж». Карвили всю готовились к празднику. Отмечать Рождество решили в загородной резиденции Курвэ, на берегу Марны. В честь сестрички Мальвина – прелестная темноволосая девочка шести лет, не хуже генерала командовавшая армией как турецких, так и французских слуг, – велела украсить бело-розовыми бантами холл и переходы загородного дома, включая монументальную лестницу вишневого дерева, не говоря уже о детской.

Мальвина де Карвиль...

Позвольте мне ненадолго отвлечься от Леонса де Карвиля, вышагивающего по бесконечным коридорам больницы в Монбельяре, чтобы представить вам Мальвину. Это важно, и скоро вы поймете почему.

Итак, Мальвина де Карвиль.

Я никогда ей не нравился. И это еще мягко сказано. Впрочем, наши чувства взаимны. Сколько бы я ни пытался убедить себя, что она не виновата в том, что тронулась умом, что, не случись эта трагедия, она превратилась бы в прелестную и даже обворожительную женщину, представительницу высших кругов общества, судьбой предназначенную к тому, чтобы удачно выйти замуж, сделав, как говорится, блестящую партию... Э-э, да что там! С годами эта девчонка, чем дальше, тем отчетливей слетавшая с катушек, пугала меня все больше. В отличие от своей бабки, Мальвина де Карвиль никогда мне не доверяла. Наверное, догадывалась, что я считаю ее монстром. Да-да, монстром! Потому что со временем милая шестилетняя девочка превратилась в подлинное чудовище. В тощую неуправляемую уродину. Ладно, проехали. Замнем для ясности. Не приведи господи, эти записки попадут ей в руки, – мне и представить себе страшно, что она надо мной учинит!

Лучше вернемся к тому, из-за чего она повредила разумом. К чуду. Точнее говоря, к подобию чуда.

В больнице Бельфор-Монбельяра Леонс де Карвиль по привычке держался с отстраненным достоинством, в котором окружающие впервые на его памяти прочитали не высокомерие, а робость. Он и бровью не повел, когда ему показали внучку – через стекло палаты, не позволявшее слышать, как она плачет.

– Вот она, – сказала медсестра. – Ближайшая к двери кровать.

– Спасибо.

Он говорил сдержанно и спокойно, как человек, полностью владеющий собой. Медсестра отступила шага на три. Ей только что сказали, что Лиза-Роза – единственное, что осталось у Леонса де Карвиля...

Должно быть, в эти минуты вера выдающегося бизнесмена серьезно пошатнулась – во всяком случае, дала трещину. Нет, Леонс, в отличие от своей жены Матильды, никогда не причислял себя к истым католикам. Он был человеком верующим, но таким, условно говоря, новообращенным – под влиянием семейного окружения со стороны супруги, которое не

поняло бы его научного рационализма, – в лучших домах Куврэ он был не принят. Однако в такую минуту, как эта, даже отъявленный рационалист задумался бы о Боге. И почувствовал бы, как его раздирает между гневом на жестокость того, кто отнял у тебя единственного сына, и благодарностью к нему же за то, что спас от гибели – в знак утешения? – твою внучку. Единственную из всех...

Лиза-Роза беззвучно плакала в своей стеклянной клетке.

– Это чудо, – тихо сказал у него за спиной доктор Моранж – врач с улыбкой священника.

Его улыбка осталась прежней и годы спустя, когда я встретился с ним и узнал подробности того дня.

– Поразительно, но она в прекрасном состоянии. Последствий практически никаких. Мы немножко ее понаблюдаем, просто из осторожности, но она абсолютно здорова. Уверяю вас, это настоящее чудо...

Думаю, Леонс де Карвиль про себя все же вознес благодарственную молитву Всевышнему.

К ним подошла медсестра. Срочный звонок. Вызывают заведующего детским отделением. Да, просят подойти немедленно. Звонок очень странный. Доктор Моранж извинился и ушел, оставив Леонса де Карвиля перед стеклянной стеной бокса, где безутешно плакала его внучка.

Пусть тоже поплачет, пока его никто не видит, говорил себе доктор, который любил печальные истории с хорошим концом. Сам взволнованный едва ли не до слез, он взял протянутую медсестрой телефонную трубку.

Голос в аппарате звучал так, словно доносился с другого конца света. Торжественный и торопливый одновременно.

– Доктор? Здравствуйте! Я – дедушка девочки из самолета. Того самого, потерпевшего крушение в горах Юра. В справочной мне дали ваш номер. Как она там?

– Хорошо, хорошо, не волнуйтесь. Девочка практически не пострадала. Думаю, через два-три дня мы ее выпишем. Кстати, дедушка с отцовской стороны уже здесь. Хотите с ним поговорить?

В трубке повисло молчание. В этот миг врач почувствовал, что происходит что-то не то.

– Доктор? Извините, но, мне кажется, произошла какая-то ошибка. Дедушка с отцовской стороны – это я. А деда с материнской стороны не существует. Моя невестка была сиротой...

Доктор ощутил покалывание в кончиках пальцев. Нервы. Молниеносно пронеслись предположения, одно фантастичнее другого. Глупый розыгрыш? Попытка любопытного журналиста выведать подробности? Надо внести ясность.

– Простите, о каком ребенке вы говорите? О той девочке, что была спасена после крушения самолета «Стамбул – Париж»? О Лизе-Розе?

– Нет, доктор, нет!

Врач явственно различил проскользнувшее в голосе собеседника облегчение.

– Нет, доктор, – продолжил тот. – Здесь какое-то недоразумение. Девочку зовут не Лиза-Роза. Ее зовут Эмили.

На лбу у врача выступили капли пота. Такого с ним никогда не случалось, даже в операционной.

– Месье, мне очень жаль, но это невозможно. Дед ребенка уже здесь, в больнице. Его зовут месье де Карвиль. Он видел девочку и узнал ее. Он утверждает, что ее зовут Лиза-Роза.

Оба замолчали.

– А вы... – решился заговорить врач, – вы живете далеко от Монбельяра?

– В Дьеппе. В Верхней Нормандии.

– Да? Послушайте, мне кажется, будет лучше всего, если вы, месье...

Врач довольно неуклюже тянул время.

– Месье Витраль. Меня зовут Пьер Витраль.

– Так вот, месье Витраль, мне кажется, что будет лучше всего, если вы свяжетесь с полицейским комиссариатом Монбельяра. Они как раз сейчас устанавливают личности погибших в авиакатастрофе. Больше я вам ничего сказать не могу. Но в полиции вам все объяснят. Ответят на все ваши вопросы...

Врачу вдруг стало стыдно. С какой стати он изображает из себя бездушного чиновника, отсылающего несчастного посетителя к соседнему окошку? Ему представилось, как на том конце провода, в Дьеппе, его собеседник падает возле телефона без чувств, словно при нем только что во второй раз убили его внучку. Но он себя одернул. В конце концов, при чем тут он? Произошла какая-то путаница, вот и все. Этот человек из Дьеппа ошибся.

Оба одновременно повесили трубки.

Следует ли рассказать об этом странном телефонном звонке Леонсу де Карвилю? – задумался врач.

Пьер Витраль медленно положил трубку. Рядом стояла его жена Николь.

– Ну, как там Эмили? – взволнованно спросила она. – Что они тебе сказали?

Муж посмотрел на нее с бесконечной нежностью, на какую был способен только он. А когда заговорил, голос звучал тихо и как будто виновато:

– Они сказали, что девочка жива. Но ее зовут не Эмили, а Лиза-Роза...

Николь и Пьер Витраль долго молчали. Жизнь никогда их не щадила. Бывает, что соединение двух неудачников приводит к положительному результату, как умножение минуса на минус дает плюс. Они дружно противостояли всем превратностям судьбы – вечной нехватке денег, болезням, каждодневным бытовым трудностям. Никогда не жаловались. Но тот, кто не привык горлопанить, чаще всего остается ни с чем. Витрали не кляли судьбу – и она, словно в издевку, не скупилась на новые и новые испытания для них. Пьер и Николь Витраль зарабатывали на жизнь продажей жареной картошки и сосисок из специально оборудованного оранжево-красного фургончика «ситроен» на пляжах Дьеппа и других городов Нормандии, куда выезжали по случаю проведения фестивалей и прочих местных праздников, в любую погоду, а она в тех краях отличается капризами, и почти угробили здоровье: у Пьера были проблемы с позвоночником, у Николь – с легкими. Назло судьбе они родили двух сыновей, и одного из них, дождливым вечером катавшегося на мопеде в Криэль-сюр-Мер, она у них забрала...

Им не везло ни в чем и никогда, но ровно два месяца назад вдруг случилось невероятное: они выиграли двухнедельную поездку в Бодрум-Гюмбет.

Бодрум-Гюмбет? А это хоть где?

В Турции. На средиземноморском полуострове, застроенном по побережью четырехзвездочными отелями, до пляжа рукой подать. Все включено. Отель – настоящий дворец. Они выиграли случайно, просто опустив по листочку в стеклянный ящик в «Перекрестке», где в дни распродаж проводилась лотерея. Так вышло, что устроители вытянули из ящика листок с именем их сына Паскаля. Правда, перед победителем поставили

жесткое условие: воспользоваться выигрышем можно только до конца 1980 года. Нет, если вы не хотите или не можете... У Паскаля и его жены Стефани всего два месяца назад родилась дочка, малютка Эмили. Со старшим сыном, двухлетним Марком, проблем не возникало – поживет две недели у бабушки с дедушкой. Но Стефани еще кормила Эмили грудью, да и в любом случае она ни за что не согласилась бы на целых полмесяца оставить грудного ребенка на попечение стариков. Путевки были именными, обменять их или продать было невозможно. Значит, надо сделать выбор: или отказаться от поездки, или ехать с новорожденной дочкой.

И они поехали. Прежде они еще никогда не летали самолетом. Стефани – молодая женщина с веселыми глазами – смотрела на мир как на спелое яблоко, которое так и хочется надкусить. Жалко, что в ее скромном мирке это яблоко – запретный плод.

Они рассудили, что не стоит отворачиваться от удачи, если она сама плывет в руки. В кои-то веки судьба им улыбнулась! Ни один из них не подумал, что улыбкам судьбы верить нельзя. Паскаль, Стефани и Эмили должны были приземлиться в аэропорту Руасси 23 декабря и провести день в Париже, поглазеть на рождественские витрины. Идея принадлежала Стефани. Она была сиротой. Витрали ее обожали – впрочем, она платила им тем же. Строго говоря, никакая Турция ей была не нужна. Ее воплощенной мечтой, ее волшебной сказкой стали Марк и Эмили – два теплых комочка, а к ним в придачу – любящий муж и дед с бабкой, души не чаявшие во внуках.

Пьер и Николь Витраль услышали новость о крушении самолета одновременно, в семичасовой радиопередаче «Франс-Интер».

Они слушали ее каждое утро.

В тот день они сидели друг напротив друга за столом в своей тесной кухоньке. Чашки – кофе для Пьера и чай для Николь – так и остались стоять нетронутыми, словно время навсегда остановилось в ту секунду, когда замерла жизнь в скромном рыбацком домишке на улице Пошоль, в квартале Полле – старинном рыбацком квартале, островком сохранившемся в центре портового города Дьеппа.

– Почему Лиза-Роза? – вдруг выкрикнула Николь Витраль.

Дома на их улице – с дюжину одинаковых, похожих как близнецы фасадов – имели общие стены. Все, что происходило у соседей, немедленно становилось известно остальным. Крик Николь проник сквозь тонкие перегородки.

– Почему они решили, что ее зовут Лиза-Роза? Кто им сказал? Может, сам младенец? Так и заявил пожарным, а? Трехмесячный ребенок! Девочка, глаза голубые... Это наша Эмили! Она жива! Пусть кто-нибудь попробует сказать мне, что это не она! Пусть только попробует! Они там что-то химичат. Она одна осталась в живых, вот они и хотят ее у нас украсть. Украсть нашу внучку...

По щекам у Николь катились слезы. Несмотря на холод, соседи начали по одному выходить на улицу. Николь прижалась к мужу.

– Нет, Пьер, нет. Поклянись мне. Они не отнимут у нас внучку. Не для того она выжила в катастрофе, чтобы ее у нас украли. Поклянись мне.

В смежной с гостиной спальне проснулся разбуженный бабушкиным криком двухлетний Марк. Проснулся и заплакал. Он сам не понимал, почему плачет. Впрочем, у него от того скорбного утра не осталось никаких воспоминаний.

2 октября 1998

09:24

Марк поднял голову от записей Гран-Дюка. В глазах у него стояли слезы.

Разумеется, он не помнил того скорбного утра. Он и не знал о нем ничего, пока не прочитал в этой тетради...

Было что-то нереальное в том, как перед ним открывались подробности трагедии, пережитой в далеком детстве.

От шума и гвалта в баре «Ленин» закружилась голова. Пятеро веселых парней из студенческой ассоциации ушли, громко хлопнув на прощанье стеклянной дверью. Марк провел рукой по лицу, незаметно смахивая влагу из уголков глаз. Медленно вздохнул, заставляя себя собраться с духом. В конце концов, он и так знает почти все детали этой истории. Его собственной истории.

Почти все...

На часах 09:25.

А он только начал читать.

2 октября 1998

09:17

Мальвина де Карвиль постучала в стекло дулом револьвера «Маузер L100». Стрекозы реагировали вяло. Только одна из них, самая крупная, с красноватым телом и огромными крыльями, попыталась приподняться, даже взлетела на пару сантиметров, но снова без сил опустилась на дно вивариума, устланное десятками тел других, уже мертвых насекомых. Мальвине де Карвиль и в голову не пришло включить подачу кислорода или хотя бы приоткрыть крышку, чтобы выпустить на свободу еще живых стрекоз. Она предпочитала безучастно наблюдать за их агонией. В конце концов, не она же их уморила.

Она еще раз, уже посильней, постучала по стеклу. Ее зачаровывала безнадежность, с какой стрекозы едва шевелили тяжелыми крыльями в лишенном кислорода воздухе.

Мальвина долго наблюдала за ними. Да пусть хоть все передохнут, ей-то что! Она пришла сюда не ради них. Она пришла ради Лизы-Розы. Ее собственной стрекозки. Единственной и неповторимой. Мальвина сделала несколько шагов по комнате. И вздрогнула, наткнувшись взглядом на свое отражение в зеркале гостиной. Хочешь не хочешь, пришлось посмотреть на себя. Ее передернуло от отвращения. Она ненавидела строгий пробор, ровно посередине деливший надвое ее длинные прямые волосы, ненавидела свой голубой шерстяной свитер с ажурным воротником, ненавидела это тощее, без намека на грудь и с палочками-руками тело, весившее сорок килограммов...

Прохожие на улице принимали ее за пятнадцатилетнюю девочку. Во всяком случае, со спины. Она уже привыкла к изумлению на лицах, когда, стоило ей повернуться, они вдруг видели перед собой старую деву – старую деву двадцати четырех лет, одетую по моде пятидесятых.

Но ей было на них плевать.

Ей было плевать на всех. На психоаналитиков – а она посещала только лучших из лучших, – на протяжении восемнадцати лет твердивших ей одно и то же; на детских психологов, диетологов и прочих хренологов... И на бабушку заодно. Она заранее знала, что все они скажут. Какой диагноз поставят. Отказ взростеть. Отказ расти. Отказ стареть. Отказ смириться с горем. Отказ забыть Лизу-Розу.

Лиза-Роза.

Что значит «смириться с горем»? Что значит «забыть»?

Еще раз убить ее, так, что ли?

Она развернулась и приблизилась к камину. И чуть не упала, споткнувшись о мертвое тело. Хорошо, что рука твердо сжимала револьвер. Никогда не знаешь... Хотя вроде бы эта сволочь Гран-Дюк не подает признаков жизни. Пуля в сердце. И голова в камине.

Левой рукой она схватила кочергу и кое-как пошуровала в камине.

Ничего!

Этот подонок Кредюль Гран-Дюк ничего не оставил!

Мальвина наугад тыкала кочергой, то и дело попадая в лицо трупы и поднимая тучи черного пепла. Должно же найтись хоть что-то! Несгоревший клочок бумаги, другая улика...

Пока ее усилия успехом не увенчались. Как она ни старалась, ничего, кроме облака черных конфетти, в камине не было.

На полу стояли картонные коробки. С надписями красным маркером: 1980, 1981, 1982–1983, 1984–1985, 1986–1989, 1990–1995, 1996...

Все – пустые. Безнадёжно пустые.

В груди Мальвины поднималась хорошо ей знакомая волна глухого, неудержимого гнева. Значит, эта мразь Кредюль Гран-Дюк их просто кинул! Ее дед с бабкой восемнадцать лет платили ему, и не только гонорары, но и возмещали расходы на поездки, а что получили взамен?

Грудю пепла!

Кочерга выпала из ее рук на натертый до блеска паркет, прочертив по полу черную полосу. Этот гаденыш купил себе дом на их деньги, и какой дом! Чуть ли не особняк, да еще в самом центре Бют-о-Кай! На их деньги! И что он сделал? Взял и сжег все доказательства, а потом пустил себе пулю в сердце. И замолчал навсегда.

Она покрепче сжала рукоятку револьвера.

Мальвина де Карвиль испытывала к Гран-Дюку не больше сочувствия, чем к мертвым стрекозам.

Пожалуй, даже меньше.

Он получил по заслугам, этот подлец. Подох как собака мордой в угли, горячие от лжи. Захотел рискнуть, сыграть и нашим и вашим? И проиграл. Не ей оплакивать его судьбу. Она сожалела об одном: что больше нельзя заставить его говорить. Но это не значит, что она отступится. Наоборот. Она не бросит свою сестренку. Она всегда будет с ней. Со своей Лизой-Розой, со своей стрекозкой. Она продолжит поиски. И найдет.

Например, тетрадь, в которой Кредюль Гран-Дюк год за годом вел записи. Насколько ей известно, это толстая тетрадь в светло-зеленой обложке. Куда он мог ее задевать? Кому передал?

Мальвина дошла до кухни. Быстро огляделась. Чисто и пусто. На гвоздике висит синяя тряпка. Она уже все тут обыскала. У него по всему дому чистота. Гран-Дюк был великим аккуратистом.

Проклятье!

Она зашла в тупик. Надо сесть и спокойно обдумать, что делать дальше.

Мальвина вспомнила про вчерашний телефонный звонок Гран-Дюка ее бабке. Он намекал, что что-то такое нашел. Наконец-то! После стольких лет! И когда? В тот самый день, когда Лизе-Розе исполнилось восемнадцать лет. Он позвонил буквально за несколько минут до полуночи. Что-то говорил про старый номер газеты «Эст републикен». Якобы озарение посетило его, когда он развернул ее восемнадцать лет спустя!

Вранье!

Наглое вранье!

Бабка еще могла попасться на удочку этого брехуна – ей самой нравилось верить его рассказам. Но только не она. «Эст републикен»... Номер восемнадцатилетней давности? Прочитанный ровно в полночь? Ха-ха.

Дешевая уловка.

Он просто тянул время. Его контракт истекал в тот день, когда Лизе-Розе исполнилось восемнадцать лет. Денежный ручей пересох бы. Ничего удивительного, что ему захотелось выжать из бабки еще немного, все равно под каким предлогом. Ну а бабка... Со своим помешательством на религии она готова верить чему угодно. Она слишком доверяла Гран-Дюку, все эти годы вешавшему ей лапшу на уши. Мальвина бросила взгляд на медную

табличку на письменном столе. «Кредюль Гран-Дюк. Частный детектив».

Вот ведь уродливое имя!

Ну да, он не сомневался, что задурил голову деду и бабке.

Но не ей!

Она свободна. И она сумела разгадать его двойную игру. Гран-Дюк явно предпочитал Витралей. Он был на их стороне! А на нее всегда смотрел косо, как на балаганного уродца. Видать, догадывался, что она не дура.

Но не подозревал, насколько она умна!

Мальвина в последний раз оглядела стол, не без сожалений покинула гостиную и вышла в небольшую переднюю. Придирчиво осмотрела зонты в напольной подставке, ряд длинных пальто на вешалках. Все казалось абсолютно нормальным.

Против своей воли задержалась перед фотографиями, без всякого порядка прикрепленными на магнитах над стеклянной входной дверью. Свадебное фото Назыма Озана – сообщника Гран-Дюка – и этой жирной турецкой коровы; фото Николь Витраль – а как же! – в дешевом платье с глубоким вырезом, из которого так и выпирают сиськи. Наверное, Гран-Дюк каждое утро пялился на них, облизываясь, пока надевал пальто и выбирал зонтик, собираясь выйти из дома.

Мальвина рассеянно проглядела остальные снимки в передней. Горные пейзажи – скорее всего, Юра. Мон-Террибль. Монбельяр.

Она помнила этот город. Помнила больницу. Сестру она узнала сразу. Все-таки ей тогда было уже шесть лет. И она была единственным живым свидетелем.

Лиза-Роза спаслась. Но ее у нее украли.

Они могли болтать что угодно. Про ее отказ смириться с утратой и прочее.

Она никогда, ни за что не бросит сестру.

Мальвина с трудом стряхнула оцепенение. Надо действовать. Она вернулась в гостиную, перешагнула через труп Гран-Дюка и в последний раз осмотрела камин, вивариум и письменный стол. В дом она влезла как воровка, через увитое плетистой розой окно спальни, которое попросту разбила. Она повсюду оставила свои отпечатки. Рано или поздно сюда нагрянет полиция, вызванная кем-нибудь из соседей. Значит, надо уничтожить следы своего пребывания. Не ради себя – на себя ей плевать. Ради Лизы-Розы. Она должна остаться на свободе. Поэтому сейчас она все тут протрет. Если повезет, может наткнуться на какую-нибудь любопытную деталь, которую упустила при осмотре. Например, на проклятую светло-зеленую тетрадь...

Что же все-таки этот гад Гран-Дюк написал в тетради? Неужели он действительно узнал нечто важное? Неужели в день восемнадцатилетия Лизы-Розы ему открылась истина?

Какая истина?

Или он блефовал?

Рискнуть?

Она обязана найти эту тетрадь.

Скорее всего, он передал ее Витралям. До того как прострелил себе сердце. Это в его духе. Преподнес подарок на день рождения. Если это действительно так, то сейчас тетрадь в руках этого извращенца Марка Витраля. И сейчас он ее читает.

2 октября 1998

09:28

Марк Витраль безотрывно смотрел на циферблат настенных часов.

За соседним столом, лицом к нему, сидела хорошенькая брюнетка с мальчишеской стрижкой и буквально ела его синими глазами, в которых охотно утонул бы любой мужчина.

Марк равнодушно отвернулся.

Что вызвало лишь новый прилив интереса со стороны хорошенькой студентки. Светловолосый парень сидел, погруженный в свои мысли, с таким видом, будто вот-вот заплачет, и смотрел на нее как на пустое место. Вообще-то она не привыкла, чтобы мужчины не обращали внимания на нее. И ее привлекали только те редкие экземпляры, которые выбивались из общего правила.

Марк снова и снова перечитывал тот фрагмент из записок Гран-Дюка, где шла речь о его родителях, Паскале и Стефани, которых он совсем не помнил и знал лишь по старым фотографиям. Подняв руку, он помахал Мариам. Хозяйка бара решила, что он выпрашивает свой подарок – хоть на несколько минут раньше, – и неодобрительно уставилась на стену с часами.

– Мариам, можешь дать мне круассан? Я сегодня ничего не ел. Не привык, что Лили назначает встречу в такую рань.

Мариам одарила его широкой улыбкой и тут же принесла на тарелке круассан.

Шум в баре «Ленин» становился невыносимым. Студентка продолжала с отчаянной надеждой пожирать Марка глазами.

Напрасный труд.

Марк оторвал половину круассана и запихнул в рот.

09:33

И снова погрузился в чтение.

Дневник Кредюля Гран-Дюка

Думаю, вы со мной согласитесь, если я скажу, что и к Витралям, и к Карвилям жизнь повернулась далеко не самой лучшей своей стороной... Сначала узнают, что самолет потерпел крушение и все пассажиры погибли, а они в единый миг лишились детей и внуков, без которых будущее теряет смысл... Затем, часом позже, приходит новость о чудесном спасении: самое крошечное, самое незащитное существо избежало всеобщей печальной участи. Они чувствуют себя счастливыми, благодарят небеса и даже забывают о том, что жестокая судьба отняла у них тех, кого они так любили... А судьба, оказывается, извлекла из раны кинжал, только чтобы вонзить его им в сердце еще раз, да поглубже. Что, если чудом спасенное дитя, кровь от вашей крови и плоть от вашей плоти, – и не ваше вовсе?

23 декабря 1980 года в полицейском комиссариате Монбельера с утра дым стоял коромыслом; комиссар Вателье – опытейший сыщик и энергичный мужчина с несколько запущенной, зато прекрасно гармонизировавшей по цвету с кожаной курткой черной бородкой

– взял расследование в свои руки. В семь утра из «Турецких авиалиний» поступил факс со списком пассажиров. Любопытный факт, должно быть немало позабавивший сотрудников аэропорта имени Ататюрка в Стамбуле, заключался в том, что на борту оказалось сразу два грудных младенца – две девочки-француженки, родившиеся чуть ли не в один день.

Лиза-Роза де Карвиль, дата рождения – 27 сентября 1980.

Эмили Витраль, дата рождения – 30 сентября 1980.

Надо же, какое совпадение, наверняка подумаете вы. Впоследствии я проверил: присутствие в салоне самолета грудного ребенка – вовсе не исключительное явление. Напротив, малышей возят довольно часто, особенно на длинные расстояния и в период отпусков. Мы живем в условиях экономической глобализации, но людям по-прежнему хочется встречать Новый год, праздновать день рождения или свадьбу и хоронить близких в кругу семьи. Обычные пассажиры не обращают на это внимания, но я точно знаю: самолеты просто кишат младенцами!

Комиссар Вателье признавался мне, что поначалу члены его группы отнеслись к этой истории не слишком серьезно. Два грудничка... Как установить, который из них выжил? Детективы предполагали, что расследование будет коротким. Не так уж трудно установить личность ребенка, даже совсем маленького. Цвет кожи, цвет глаз, группа крови, содержимое желудка, одежда, личные вещи, родственники... Признаков более чем достаточно.

Хотя действовать следовало быстро. На пятки сыщикам наступали орды журналистов, раздувшие эту историю на страницах газет. Вы только представьте себе: одна сирота на две семьи! К тому же не будем забывать, что решалась судьба девочки. Не могли же ее вечно держать в детском отделении больницы Бельфор-Монбельяра! Все ждали, что следствие быстро сделает правильные выводы и вернет ребенка в семью. Днем 23 декабря, часов около двух, Леонс де Карвиль собрал в Монбельяре целую свору парижских адвокатов – можно лишь догадываться, сколько это ему стоило! – которые не сводили глаз с группы Вателье и проверяли каждый ее шаг.

С правовой точки зрения дело выглядело сложным. Правда, министерство юстиции высказалось в первые же часы, поручив расследование комиссариату Монбельяра, но подчеркнув, что окончательное решение примет суд на специальном заседании с участием сторон и свидетелей. Заседание состоится за закрытыми дверями, разумеется. Крайний срок оглашения приговора назначили на конец апреля 1981 года – дольше тянуть было нельзя, чтобы не нанести ребенку, до тех пор остающемуся в больнице Бельфор-Монбельяра, эмоциональной травмы. Надзор за ведением следствия недолго думая поручили судебному следователю Жану-Луи Ледриану, известному парижскому юристу, автору десятка работ о детях-отказниках, установлении их личности, процедуре усыновления и т. д. Этот выбор никого не удивил – большего авторитета в данной области просто не существовало.

Уже на следующий день, 24 декабря, Ледриан с грехом пополам собрал рабочую группу – перспектива провести часть сочельника на заседании отнюдь не воодушевила ее участников, – в которую вошли комиссар Монбельяра Вателье, лечащий врач спасенной девочки доктор Моранж и представитель спецслужб из посольства Франции в Турции, общавшийся с остальными по телефону.

Впоследствии они подробно рассказали мне, как проходило это заседание, достойное пера сюрреалиста. Из окна роскошного парижского кабинета на авеню Сюффрен открывался величественный вид на силуэт Эйфелевой башни на фоне белесого зимнего неба. Настроение у всех было мрачным – ничего себе сочельник: ни елки, ни подарков. Дома ждут

детишки. А они, призвав на помощь весь свой профессионализм, вынуждены взвешивать на невидимых весах судьбу трехмесячного ребенка.

Судья Ледриан чувствовал себя неуютно – он был шапочно знаком с Карвилями, сталкивался с представителями этого семейства на паре-другой парижских вечеринок, собирающих в роскошных залах османских домов сотни приглашенных. Я пытался поставить себя на его место. Должно быть, его мозг свербил одна и та же настойчивая мысль: «Только бы девочка оказалась внучкой де Карвиля! Иначе я буду в полном дерьме...»

Один шанс из двух. Орел или решка.

На первый взгляд монета не собиралась падать нужной стороной.

Годы спустя, когда я познакомился с судьей Ледрианом, он выглядел в точности так же, как в те времена: строгий, подтянутый, костюм безупречного кроя, лиловый шарф на полтона светлее галстука... Мне казалось непостижимым, как этот человек мог внушать доверие пережившим душевную травму детям и добиваться от них откровенности. Ледриан позаботился о том, чтобы записать заседания комиссии на видео. Он передал мне все пленки – о том, чтобы ответить отказом Карвилям, и речи не шло. Поэтому я гарантирую точность информации, подтвержденную и картинкой, и звуком. Зато в отношении приговора оставляю за вами право на собственное суждение.

– Постараюсь быть по возможности кратким, – заговорил Ледриан. – Мы все торопимся, не так ли? Начну со сведений, касающихся Лизы-Розы де Карвиль. Девочка родилась в Стамбуле чуть меньше трех месяцев назад. По-настоящему ее знали только родители, однако Александр и Вероника де Карвиль взяли в самолет, совершавший рейс по маршруту «Стамбул – Париж», абсолютно все, что имело к ней отношение. Игрушки, одежду, фотографии, лекарства, медицинскую карту. И все это стorerело. Сен-Симон, вам удалось добыть какие-либо свидетельства с турецкой стороны?

Из микрофона стоящего на столе телефона, включенного на громкую связь, раздался гнусавый голос посольского спецслужбиста:

– По большому счету, нет. Кроме нескольких турецких слуг, видевших Лизу-Розу через непрозрачную противомоскитную сетку, единственный свидетель, способный провести опознание, – ее шестилетняя сестра Мальвина. Так что сами понимаете...

Ледриан уже нутром чуял, что дело принимает крайне неприятный оборот. Теряя контроль над ситуацией, он имел привычку вставать и поправлять на шее шарф, выравнивая его концы. Нечто вроде нервного тика. Разумеется, по какой-то необъяснимой причине проклятый шарф норовил сползти то вправо, то влево, даже если его обладатель сидел неподвижно. Комиссар Вателье наблюдал за манипуляциями судьи, едва пряча в бороде улыбку.

– Я имел долгую беседу с дедушкой и бабушкой Карвилями, – сообщил он судье. – В основном, конечно, с Леонсом де Карвилем. Они знали внучку только по смутным телефонным описаниям. Правда, у них есть фотография новорожденной Лизы-Розы, полученная по почте вместе с поздравительной открыткой...

– Что же дает эта фотография?

Комиссар Вателье чуть скривился:

– Практически ничего. Мать на снимке кормит ребенка грудью. Лизу-Розу видно со спины. Можно разглядеть шею, ушко, но это все.

Судья Ледриан судорожно дернул за правый конец шарфа. Н-да, похоже, дела у Карвилей

обстоят неважно...

С вашего позволения, забегу немного вперед. В последующие недели Леонс де Карвиль созвал целую толпу самых уважаемых экспертов, которые пришли к единому мнению: ухо спасенной девочки в точности соответствует уху запечатленной на фотографии Лизы-Розы. Я лично внимательно изучил и отчеты экспертов, и саму фотографию и должен признать, что сделать на ее основании какой-либо вывод – положительный или отрицательный – можно было лишь при условии очевидной недобросовестности. Ледриана результаты экспертизы не удовлетворили, и он продолжал изучать генеалогию спасенного ребенка.

– А что насчет дедушки и бабушки Лизы-Розы с материнской стороны? – задал он вопрос.

Комиссар Монбельяра Вателье с грустью посмотрел на Эйфелеву башню, сиявшую огнями не хуже новогодней елки, заглянул в свои записи и сообщил:

– Вероника, мать Лизы-Розы, – четвертый ребенок в семье Бернье, проживающей в Квебеке. Всего у них семеро детей и уже одиннадцать внуков. С Александром Вероника познакомилась в Торонто, на семинаре по молекулярной химии, и после замужества практически перестала общаться с родственниками. Тем не менее Бернье вроде бы поддерживают Карвилей, хотя достаточно робко.

– Хорошо. Постараемся что-нибудь о них выяснить, – сказал Ледриан. – Теперь перейдем к Эмили Витраль. Здесь у нас, насколько мне известно, чуть больше свидетельств...

– Да как сказать, – вздохнул Вателье. – Ее медицинская карта, сумка с одеждой, соски-бутылки и прочие слюнявчики тоже сгорели. Вот что точно мне удалось установить: с рождения и до двухмесячного возраста дед с бабушкой видели внучку пять раз, в том числе дважды в роддоме Дьеппа, в первую же неделю, и один раз – в день отъезда родителей девочки, когда Паскаль и Стефани заезжали к ним, чтобы оставить Марка. Девочка в тот раз спала.

Комиссар повернулся к доктору Моранжу. Тот заговорил:

– Я присутствовал при их визите в больницу Бельфор-Монбельяра. Когда им показали ребенка, Витрали его сразу узнали...

– Естественно, – хмыкнул судья. – Естественно. Странно было бы ждать от них чего-то другого... – Ледриан устало вздохнул и дернул левый конец несчастного шарфа.

Комиссар Вателье подал голос:

– А что нам оставалось делать? Положить перед ними четырех пронумерованных младенцев и проводить опознание по всем правилам?

– Почему бы и нет? – проворчал судья. – Сколько времени бы сэкономили...

Комиссар пожал плечами:

– Дело осложняется тем, что у стариков Витралей нет ни одной фотографии ребенка. По их словам, у Стефани был фотоальбом с двенадцатью фотографиями дочки, но она с ним не расставалась. Так что он, предположительно, тоже сгорел.

– А негативы? – спросил судья.

– Жандармерия Дьеппа буквально перерыла всю квартиру молодых Витралей, от пола до потолка, искали эти чертовы негативы. Пока ничего не нашли. Вероятно, Стефани увезла их с собой. Просто забыла вытащить из кармашка фотоаппарата...

Вероятно...

Я потом тоже искал эти чертовы негативы. Фотография младенца, представляете? Ладно, не буду вас мучить хотя бы по этому пункту. Скажу сразу: отыскать негативы не удалось. Помимо предположения о том, что они сгорели вместе с самолетом, если вообще существовали не только в воображении Витралей, у меня родилась еще одна гипотеза. Лично я всегда думал, что Леонс де Карвиль организовал проникновение в квартиру Паскаля и Стефани еще до того, как мысль о негативах посетила полицейских, и на всякий случай уничтожил все доказательства, связанные с ребенком. Он был вполне способен на что-нибудь в этом роде. Можете сами делать вывод о том, какими возможностями он обладал.

Судью Ледриана бросило в пот. Шарф живой змеей скользил у него по плечам. От дела начинало отчетливо пахнуть юридической головомолкой.

– Ладно, – сказал он. – Мы рассмотрели почти все вероятности. У Эмили Витраль были другие родственники? Или тут тоже тупик?

– Похоже на тупик, – ответил комиссар Вателье. – Стефани была сиротой. Мать отказалась от нее в роддоме. Девочка воспитывалась в детском доме фонда Отея, в Руане. В шестнадцать лет познакомилась в кафе с Паскалем Витралем и влюбилась в него без памяти. Одним словом, у Эмили – если выжила в катастрофе именно она – в жизни не осталось никого, кроме деда с бабкой, Пьера и Николь Витраль, и старшего брата Марка.

Судья Ледриан стоял у окна, устремив взгляд вдаль и ввысь, над огнями Эйфелевой башни, словно искал в небе путеводную звезду, способную в ночь на Рождество указать ему путь в свой Вифлеем.

Я мог бы еще долго пересказывать, о чем они спорили, приводя друг другу самые разные аргументы и контраргументы. Помимо пленок с записями заседаний рабочей группы, имеются материалы расследования – почти три тысячи страниц, – на протяжении нескольких недель скопившиеся у судьи Ледриана. Я прочел их все. Про документы из своего личного архива я пока не говорю. Не бойтесь, к ним я еще вернусь, во всяком случае, к тем деталям, которые мне представляются важными. Однако я думаю, вы уже начали понимать, в какое трудное положение было поставлено следствие. Разрешить дилемму оказалось не так-то просто.

На какую сторону должна упасть монета? За все эти годы я так и не приблизился к разгадке тайны.

Оставляю вам в наследство все собранные мной доказательства. Попробуйте, может, у вас получится...

Слышу, слышу ваши протестующие возгласы.

А как же наука? Одежда? Анализ крови? Цвет глаз? И все прочее?

Скоро вы все узнаете.

И поверьте, не разочаруетесь.

2 октября 1998

09:35

Марк проглотил остатки круассана. На часы он больше не смотрел: что толку, если стрелки замерли как приклеенные. Не смотрел на хорошенькую студентку с ярко-синими глазами, сидевшую напротив. Не смотрел на Мариам, вид которой действовал ему на нервы. В баре «Ленин» стоял гвалт. На площади перед университетом, впрочем, тоже. Вряд ли откровения Гран-Дюка снимут все его сомнения, но все-таки он дочитает их до конца.

Потому что Лили так захотела...

Дневник Кредюля Гран-Дюка

Две недели спустя, 11 января 1980 года, судебный следователь Ледриан снова собрал совещание рабочей группы. Те же персонажи, то же место, тот же кабинет в здании на авеню Сюффрен – правда, на сей раз заседание проходило в утренние часы. Эйфелева башня расплывалась в промозгом тумане. Прохожие, шагая по мокрым тротуарам, не видели собственных ботинок. Змеилась очередь туристов под зонтиками. Поблизости от главной достопримечательности Парижа не было ни одного места, где можно было бы укрыться от дождя, даже простых стеклянных навесов.

Проклятье. И погода собачья.

Судья Ледриан чувствовал, что ему грозят крупные неприятности. Начальство прозрачно намекнуло, что симпатии наиболее влиятельных в обществе лиц, бесспорно, на стороне Карвилей.

Судья не был глупым человеком, он правильно расшифровал послание. Но работать он мог только с теми данными, которые имелись в деле. Или они рассчитывают, что он займется фабрикацией фальшивых доказательств?

Доктор Моранж завершил свой отчет рассказом о результатах анализа крови. Он принес с собой копии бумаг, испещренных сложными формулами.

– Итак, резюмирую, – сказал доктор. – У спасенной девочки самая распространенная группа крови, А+, как у более чем сорока процентов французского населения. Из больничных архивов Дьеппа и Стамбула мы узнали, что у Эмили Витраль и Лизы-Розы де Карвиль была та же группа крови. Самая распространенная, то есть А+.

Естественно, подумал судья Ледриан.

– А какие-нибудь еще выводы ваши анализы позволяют сделать? – сварливо спросил он.

Моранж терпеливо пустился в объяснения:

– Поймите одно. Анализ крови позволяет исключить вероятное родство, но не подтвердить его. Мы можем утверждать, что родственная связь не исключена, только в том случае, если речь идет о наличии мало распространенного рецессивного фактора или редкого генетического заболевания. Ни того ни другого у нас не наблюдается. Наука не в силах установить происхождение этого ребенка.

Так и вижу, как при слове «наука» вы презрительно хмурите брови. А как же генетика? Анализ ДНК, тест на установление отцовства и прочее бла-бла-бла? Но не забывайте, что шел 1980 год! Анализы ДНК тогда многим казались научной фантастикой. Первый в мире судебный процесс с привлечением доказательств в виде тестов ДНК состоялся в 1987 году. Так что учитывайте фактор времени. Впрочем, уверяю вас, к вопросу о ДНК мы еще вернемся, – очевидно, что рано или поздно его пришлось бы поднять. Правда, девочка к тому времени успела вырасти, и условия задачи кардинальным образом изменились. А наука... Наука не дает ответов на все вопросы, и вы в этом вскоре убедитесь...

Итак, в 1980 году эксперты, собравшиеся на авеню Сюффрен, делали что могли. Доктор Моранж выложил на стол серию фотоснимков.

– Мы обратились к специалистам лаборатории в Медоне. Они разработали компьютерную программу искусственного старения. То есть попытались смоделировать облик ребенка через пять, десять, двадцать лет...

Судья бросил взгляд на снимки и раздраженно произнес:

– Неужели вы думаете, что я стану принимать решение на основе подобного бреда?

В этом он был прав, по меньшей мере частично. На смоделированных фотографиях искусственно состаренная девочка больше походила на Витралей, чем на Карвилей, но сходство было весьма и весьма отдаленным. Адвокаты Карвилей разнесли методику в пух и прах. Сегодня, спустя восемнадцать лет, в течение которых я своими глазами наблюдал, как росла и менялась девочка, я могу вам сказать: методика искусственного старения – действительно полная чепуха!

– Остается цвет глаз, – продолжал доктор Моранж. – Единственный характерный признак спасенного ребенка. В таком нежном возрасте у детей редко бывают глаза столь интенсивного голубого цвета. С годами они могут потемнеть, но, как бы там ни было, это генетическая особенность...

Слово взял комиссар Вателье:

– По свидетельству деда и бабушки Витралей, друзей семьи и медицинского персонала роддома, у маленькой Эмили были светлые глаза, с намеком на голубизну. Такие же светлые, как у ее родителей, родителей родителей, да и вообще у всех Витралей. Напротив, со стороны Карвилей мы имеем темные волосы и карие глаза. Со стороны Бернье – то же самое, я проверял.

Судья Ледриан был на грани нервного срыва. Ситуация складывалась явно не в пользу Карвилей. Сыщик его просто бесил. На улице морозящий дождь перешел в ливень. Самые стойкие из туристов продолжали толпиться у подножия Эйфелевой башни, образовав крышу из зонтов, – словно древнеримские легионеры, построившиеся «черепашкой» и готовые штурмовать стены крепости. Судья поднялся и включил в помещении свет. Шарф соскользнул с правого плеча, но он его не поправил.

– Ну и что? – наконец сказал он. – Это лишь предположение, но никак не доказательство. Всем известно, что у темноволосых и кареглазых родителей может родиться ребенок с глазами любого цвета...

– Это правда, – признал доктор Моранж. – Вопрос вероятности, не более того...

Вероятность... Пока она явно не благоволила Карвилям. Хорошо помню, что несколько недель спустя журнал «Наука и жизнь» опубликовал статью, в которой на примере «чудом

спасшегося ребенка с горы Мон-Террибль» объяснялось, почему генетика не способна с точностью предсказать внешний облик человека на основе физических данных его родителей. Я всегда подозревал, что публикацию прямо или косвенно организовал Леонс де Карвиль. Слишком уж вовремя она появилась...

Судья по громкой связи обратился к сотруднику посольства в Турции Сен-Симону:

– Что насчет одежды? Черт подери, неужели так трудно выяснить, откуда взялась одежда, которая была на девочке в день авиакатастрофы?

Сен-Симон не дал сбить себя с толку.

– Господа, – спокойно заговорил он, – напомним вам, во что именно была одета спасшаяся девочка. Хлопковое боди, белое платье в оранжевый цветочек, шерстяная кофточка. Мы можем с уверенностью утверждать, что эти вещи были куплены на стамбульском Гранд-базаре, крупнейшем в мире крытом рынке.

Ледриан перебил его:

– Витрали приехали в Турцию всего на две недели! А в Стамбуле вообще провели не больше двух дней! Логически рассуждая, Эмили Витраль должна была быть одета в вещи, привезенные из Франции. Маловероятно, чтобы родители за несколько часов до вылета во Францию нарядили ее в вещи, приобретенные в Стамбуле! Если боди, платье и кофта, в которые был одет ребенок, куплены в Стамбуле, мне представляется очевидным, что этот ребенок – Лиза-Роза де Карвиль. Девочка родилась в Стамбуле...

Сен-Симон не дал ему договорить:

– Видите ли, господин судья, позволю себе заметить, что все эти турецкие одежды, о которых мы говорим, относятся к категории дешевых. Я проверил: они не имеют ничего общего с остальной частью гардероба Лизы-Розы, найденной в шкафах виллы в Джейхане. Я вышлю вам подробный перечень. Лизу-Розу одевали исключительно в фирменные вещи, купленные в Галате, западном квартале Стамбула. Но уж никак не на Гранд-базаре!

Ледриан прервал Сен-Симона, готового представить подробный сравнительный анализ кварталов Стамбула с точки зрения социальных различий.

– Хорошо, присылайте. Я посмотрю. Вателье, что говорят результаты баллистической экспертизы?

Вателье поскреб бороду, бросил на судью неодобрительный взгляд и заговорил:

– Эксперты попытались реконструировать ситуацию. Установить, в какой именно момент ребенка выбросило из самолета. Нам известно, какое место занимал каждый пассажир. Карвили сидели в десятом ряду, чуть позади кабины; Витрали – в середине салона, на уровне крыльев. Следовательно, оба ребенка находились приблизительно на одном и том же расстоянии от дверцы, смявшейся во время удара, благодаря чему образовалось отверстие, через которое и вылетел ребенок. По последнему пункту у экспертов нет расхождений. Я принес копию отчета. Специалисты с точностью подсчитали силу удара, измерили деформацию двери и пришли к единому мнению: живым из этой ловушки могло выбраться существо весом не тяжелее десяти килограммов...

– Хорошо, комиссар, хорошо, – остановил его судья. В тот день на нем был горчичного цвета шарф, худо-бедно гармонировавший с бутылочно-зеленым пиджаком. – Вы слышали о теории Леталандье? Если я не ошибаюсь, профессор физики Серж Леталандье доказал: вероятность того, что тело летело по горизонтальной траектории, ничтожно мала; иными словами, с научной точки зрения менее вероятно, что из самолета выбросило именно Эмили

Витраль, потому что она находилась с родителями в середине салона. Что вы об этом думаете, комиссар?

– Откровенно говоря, расчеты Леталандье настолько сложны, что во всей французской полиции, включая подразделение научно-технической экспертизы, не найдется никого, кто осмелился бы их опровергнуть. Однако я вынужден подчеркнуть, что Серж Леталандье – сокурсник Леонса де Карвиля по Политехническому университету и научный руководитель Александра де Карвиля, который писал у него диплом...

Судья посмотрел на комиссара Вателье как на еретика, оскорбившего божество. Он замахал руками и дернул за конец горчичного шарфа – слишком сильно, чтобы выровнять его концы.

– Ну, знаете... Если мы будем подвергать сомнению экспертизу ученых Политехнического...

Вателье улыбнулся:

– Я ничего не подвергаю сомнению. Я в этих вопросах не разбираюсь. Просто сообщаю, что коллеги Леталандье по Политеху, с которыми я встречался, откровенно смеются над его теорией.

Судья вздохнул. Эйфелева башня окончательно исчезла в тумане. Бедные туристы. Простоять долгие часы под дождем – и ради чего?

Я мог бы исписать многие страницы всякими техническими подробностями. Привести стенограммы многочасовых заседаний. Но не стану утомлять вас лишними деталями – во всяком случае, пока.

Шли недели, а расследование топталось на месте. Юридический и правовой маразм, в котором оно чем дальше, тем глубже увязало, охладил любопытство широкой публики. Отныне за ходом дела следили только заинтересованные лица.

Детективы продолжали искать доказательства.

Журналисты маялись от скуки.

Читатели, в первые дни после «чуда» жадно глотавшие каждую строчку в газетах, устали ждать отсутствующих новостей. Споры экспертов нагоняли на них тоску. Казалось, загадка неразрешима. Когда улеглась суматоха, полиция вздохнула с облегчением: работать в тишине гораздо удобнее. Со своей стороны на них давили адвокаты де Карвиля, не желавшие предавать результаты расследования слишком громкой огласке. Если бы удалось разобраться с этим делом на уровне высшего чиновничества, оно, несомненно, закончилось бы в пользу Карвилей. Судья Ледриан был разумным человеком.

Последним изданием, печатавшим ежедневные отчеты о ходе следствия по делу «чудом спасшегося ребенка с горы Мон-Террибль», оставалась газета «Эст републикен», хотя с каждым номером эти отчеты становились все короче. Журналистка – ее звали Люсиль Моро, – которой поручили вести эту тему и которая последние два десятка лет занималась разоблачением самых грязных историй, случавшихся на востоке Франции, а их хватало, вскоре столкнулась с серьезной проблемой. Как называть девочку? Если хочешь сохранять нейтралитет, нельзя использовать ни одно из двух возможных имен – ни Эмили, ни Лиза-Роза. Всякие эвфемизмы типа «чудом спасенный младенец», «сирота со склонов Мон-Террибль», «ребенок, выживший после пожара» и прочее портили стиль ее статей, делали его громоздким и тяжеловесным, тогда как она стремилась писать просто и ясно, так, как

нравилось большинству читателей. Вдохновение посетило ее в конце января 1981 года. В то время – вы, наверное, это помните – по радио часто передавали песню Шарлели Кутюра^[5], как нельзя лучше подходившую к печальным обстоятельствам нашей истории. «Как самолет без крыла...»

Доведенная до отчаяния медлительностью юридической процедуры и чрезмерной осторожностью судьи Ледриана, в номере «Эст републикен» от 29 января она на всю ширину полосы дала фотографию «спасенной девочки», уже больше месяца запертой в стеклянном боксе детского отделения больницы, а вместо подписи привела три строчки из песни:

*Стрекозка моя!
Твои крылышки хрупки,
А я сижу в разбитой кабине...*

Опыт не подвел журналистку. Теперь каждый, кто слышал песню Шарлели Кутюра, немедленно вспоминал о найденной в заснеженном лесу девочке, ее хрупких крылышках и покореженной кабине сгоревшего самолета. Для всей Франции сиротка стала Стрекозкой. Это прозвище намертво приклеилось к ней. Его приняли даже ее близкие. Даже я.

Вот идиот!

Стрекозка!

Мое усердие дошло до того, что я заинтересовался этими уродливыми насекомыми и потратил на их коллекционирование сумасшедшие деньги... Подумать только. Весь этот цирк – из-за прожженной журналистки, озабоченной только тем, как бы вышибить слезу у публики.

Полицейские были настроены менее романтично. Не желая употреблять ни одно из двух имен, они изобрели третье – соединив первый слог одного и последний другого. Таким образом из Лизы-Розы и Эмили получилась Лили.

Лили...

Первым перед журналистами назвал девочку этим именем комиссар Вателье.

И оно как-то прижилось. Так что полицейским, выходит дело, тоже бывает свойственна романтика. Стрекозка по имени Лили.

Не Лиза-Роза. Не Эмили.

Лили.

Химера. Странный гибрид двух существ.

Монстр.

Кстати, о монстрах. Пора рассказать вам о той роли, что сыграла в этой истории Мальвина де Карвиль. Самой Мальвине де Карвиль вряд ли понравилось бы, что, заговорив о монстрах, я тут же вспомнил ее. Но вы меня простите. То, что случилось с Мальвиной де Карвиль, можно назвать одним из побочных эффектов трагедии. Если угодно.

Леонс де Карвиль был человеком волевым, решительным и привыкшим добиваться своих целей. Между тем не существовало ни одного вещественного или иного доказательства, позволявшего решить дело в его пользу. И тогда он совершил две ошибки. Две очень грубые ошибки. Ему, видите ли, не терпелось.

Первая касалась его родной внучки, шестилетней Мальвины. Это был жизнерадостный

избалованный ребенок. Разумеется, трагедия, в одночасье лишившая ее родителей и младшей сестры, не прошла для нее бесследно. Но благодаря армии психологов и окружению родственников она постепенно справилась бы с болью и зажила нормальной жизнью.

Все справляются.

Проблема в том, что она была единственным прямым свидетелем. Единственным на свете человеком, общавшимся в Турции с Лизой-Розой в первые два месяца ее жизни. Первые и, возможно, последние...

Способен ли шестилетний ребенок опознать грудничка? Опознать с уверенностью? Отличить его от других?

Вопрос заслуживает обсуждения...

Мальвина была единственным козырем Карвилей против всех утверждений Витралей. Она одна могла сказать, является ли найденный ребенок Лизой-Розой. Леонсу де Карвилю следовало защитить ее, не позволять превращать ее в свидетельницу, выгнать вон детективов – он обладал для этого всеми средствами. Он должен был запретить задавать ей вопросы, велеть оставить ее в покое, отослать девочку куда-нибудь на природу, подальше от мучительного разбирательства, в пансион для детей богачей, где полно внимательных воспитательниц, веселой ребятни и живых зверюшек в огромном парке... Вместо этого он выставил Мальвину напоказ, заставил ее давать показания – десятки и сотни раз, перед судьями, адвокатами, полицейскими, экспертами... Она недели напролет проводила в официальных кабинетах и приемных, в компании с мрачными типами в строгих костюмах и гориллами-телохранителями – от журналистов ее все-таки оберегали.

Мальвина всем, кто ее допрашивал, говорила одно и то же:

«Да, это моя младшая сестра».

«Да, я уверена. Это Лиза-Роза».

Деду даже не приходилось ее подстегивать. Она была убеждена в своей правоте. Не испытывала ни малейших сомнений. Не допускала мысли об ошибке.

Ей показывали одежду, в которой нашли девочку, – и она ее узнавала. Узнавала ее лицо и плач. И готова была поклясться на чем угодно – на Библии или на любимой кукле, – что говорит правду. В свои шесть лет она успешно противостояла старикам Витралям!

С тех пор я имел возможность наблюдать, как Мальвина выросла... Впрочем, «выросла» – это слишком громко сказано. Точнее будет назвать этот процесс старением. Одним словом, я видел, как она превращалась сначала в подростка, затем в девушку. Я видел, как она постепенно отдается во власть безумию. Яростному безумию.

Не стану отрицать – я ее боюсь. На мой взгляд, ее место в психиатрической клинике, под строгим врачебным надзором. Однако я вынужден признать: она не виновата в том, что с ней произошло. Ответственность за случившееся целиком и полностью несет ее дед Леонс де Карвиль. Он-то знал, что делает. Это он осознанно использовал свою внучку в качестве инструмента для достижения поставленной цели. Вопреки всем советам медиков и мольбам жены он сознательно принес в жертву ее душевное здоровье.

Но самое ужасное заключается в том, что это ему не помогло. Ни капли не помогло!

Потому что Леонс де Карвиль допустил еще одну ошибку – возможно, даже более непростительную, чем первая.

2 октября 1998

09:43

За последние полчаса Лили ни разу не пошевелилась. Она сидела на мраморном парапете на эспланаде у Дома инвалидов. Камень холодил ноги, но она не обращала на это внимания. В сухом предзимнем воздухе купол Дома инвалидов почти сливался с фоном белесого, лишённого красок неба.

Несмотря на морозную погоду, прямо перед ней тренировалось человек десять парней на роликовых коньках. Присутствие случайной зрительницы их не только не смущало, но, пожалуй, даже радовало.

Площадка перед Домом инвалидов, хорошо знакомая парижанам, не относится к числу главных туристических достопримечательностей. Приезжие предпочитают толпиться на Трокадеро, перед Пале-Руайаль, на площади Ратуши или Бастилии. Здесь редко кого встретишь. Особенно такую красивую девушку. Почтительницу спорта, не боящуюся сидеть на холодном камне.

Зачем она пришла? Хочет с кем-то познакомиться?

Роллеры из кожи вон лезли, чтобы ее не разочаровать. Эспланада спланирована так, что здесь удобно отрабатывать скоростные трюки и сложные прыжки. Спортсмены установили в два ряда пластмассовые чурбачки ярко-оранжевого цвета и изощрались в мастерстве, стараясь переплюнуть друг друга. Так на средневековых турнирах рыцари сражались за сердце прекрасной дамы.

Лили нравилось наблюдать за тренировкой роллеров, нравилось слушать их крики и смех. Чужое оживление помогало ей сохранять спокойствие. А это было нелегко. Все вокруг рушилось. Она вспомнила про дневник Гран-Дюка. Правильно ли она поступила, отдав его Марку? Прочтет ли он записи детектива? Конечно, прочтет... Но вот поймет ли? У Марка с Кредюлем Гран-Дюком сложились непростые отношения. Нет, Марк никогда не пытался обрести в его лице приемного отца, но все же... Вокруг него в жизни почти не было мужчин, и он тянулся к Гран-Дюку. Кроме того, Марк всегда настаивал на том, что чувствует истину. Инстинктивно, как он выразался. Будет ли он готов к тому, что истина окажется иной?

Все эти вопросы кружились и кружились у нее в голове. Но ответов она не находила.

Лили заметила, что на нее пристально смотрит один из роллеров. Старше остальных, лет сорока, на висках уже пробивалась седина, он неизменно побеждал в каждом забеге. Сейчас он сбросил на землю кожаную куртку, явив обтянутый майкой мускулистый торс. Обводя цепким взглядом эспланаду, он в конце концов обязательно останавливался на черные глаза на девушке. Резкими чертами лица и хищной грацией, с какой роллер скользил мимо пластмассовых чурбаков, он напоминал Лили стервятника.

Впрочем, не он занимал ее мысли. Она думала о подарке, переданном Марку. И зловещем спектакле, который перед ним разыграла.

Будет ли от этого толк?

Она чувствовала, что в уголках глаз закипают слезы. У нее просто нет выбора. Она должна хоть на несколько дней, хоть на несколько часов отодвинуть Марка в сторону. Защитить его. Когда все будет кончено, она, возможно, признается ему во всем. Если хватит

смелости. Он так ею дорожит. Ею? Но кто она такая?..

Она улыбнулась.

Стрекозка Лили... Господи, да она отдала бы все на свете, чтобы зваться самым обыкновенным человеческим именем. Одним именем!

Седоватый роллер, проезжая мимо Лили, чуть задел ее плечом. Она вздрогнула, выйдя из оцепенения. И не смогла сдержать улыбки. Несмотря на холод, стервятник снял и майку, оставшись в одних тесных джинсах, и теперь раскатывал полуголый.

Идеальное тело. Безволосое. Мускулистое.

Он уже без всякого стеснения разглядывал Лили, словно оценивал плюсы и минусы ее сложения. Сходство его с хищной птицей стало еще очевиднее. Он прямо-таки танцевал перед ней брачный танец. Сколько раз ему случалось его исполнять? Сколько девчонок успело попасть ему в лапы?

Неужели он ни разу не получал отказа?

Лили несколько секунд выдерживала его взгляд, в свою очередь довольно бесцеремонно и почти равнодушно рассматривая соблазнителя. Она привыкла к тому, что на нее пялятся незнакомые мужчины. Неужели она кому-то может показаться желанной? Ее это удивляло, потому что она ощущала себя прозрачной...

Она снова погрузилась в мысли. Нечего жалеть себя. В ближайшее время вопрос о настоящем имени и фамилии не будет для нее приоритетным. Главное сейчас – действовать. Быстро. Ни с кем не советуясь.

Она приняла решение. Теперь, когда ей стала известна правда – страшная правда, – у нее не остается выбора. За свои поступки надо отвечать.

Все случилось так недавно. Вчера. Жизнь пошатнулась. Все закрутилось слишком быстро – хотя непоправимую ошибку она совершила еще раньше. И с того самого дня ее начало затягивать в шестеренки машины, вращающиеся помимо ее воли. Если не сделать рывок, ее перемелет.

Хищник по-прежнему ошивался поблизости. Описывал своими длинными, циркульными ногами круги, не сводя глаз с Лили.

Она же уставилась невидяще в пространство. Она думала о Марке. О том, что заперла его в баре.

Посадила в ловушку. И он пробудет в ней еще пятнадцать минут. Потом, конечно, попробует ей позвонить. Она достала из сумки мобильник и выключила. Нельзя допустить, чтобы он дозвонился. Марк воспротивится тому, что она затеяла. Будет стараться защитить ее. Говорить о риске, об опасностях, которые ее подстерегают.

Он скажет, что это убийство. Уж она-то хорошо его изучила.

Убийство...

Группа роллеров внезапно сорвалась с места и вслед за седоватым тренером помчалась по направлению к Дому инвалидов – так стайка ласточек взмывает в небо через секунду после взрыва. Видимо, тренер обиделся на Лили, посмевшую остаться равнодушной к его своеобразным ухаживаниям. Оранжевые чурбачки, куртки, майки – все испарилось в единый миг. Остался лишь девственно чистый серый асфальт.

Убийство...

Лили нервно улыбнулась.

Ну, в принципе, да. Можно и так сказать. Убийство.

Необходимое кровавое преступление.

Убить.

Убить монстра и получить шанс еще немного пожить.

Или просто выжить.

2 октября 1998

09:45

Марк поднял глаза.

Проклятье, стрелки вообще не двигаются. В душе зарождалось странное предчувствие. Этот подарок от Лили, который Мариам убрала в кассовый ящик, этот спичечный коробок... А что, если это ловушка? Предлог? Отвлекающий маневр? Что, если этот бесконечно тянувшийся час ожидания понадобился Лили, чтобы успеть убежать, спрятаться, скрыться?

Но зачем?

Не нравилось ему все это. С каждой минутой Лили будто все больше отдалялась от него. Он посмотрел на тетрадь. Он уже догадывался, о какой второй ошибке Леонса де Карвиля там пойдет речь. По словам взрослых, он сам, Марк, был непосредственным очевидцем тогдашних событий. Если версия Гран-Дюка совпадает с легендой, бытовавшей на улице Пошоль, рассказ доставит ему удовольствие. Уже кое-что.

Дневник Кредюля Гран-Дюка

Леонс де Карвиль верил, что деньги могут все.

Дело не сдвигалось с мертвой точки. Стояло на месте, несмотря на требование министерства юстиции, к которому присоединился судья Ледриан, завершить разбирательство до достижения ребенком полугода.

Шесть месяцев.

Леонсу де Карвилю этот срок представлялся неоправданно долгим.

Адвокаты в один голос твердили, что надо набраться терпения и просто ждать. В конце концов все сомнения будут разрешены в их пользу. Они поработают с общественным мнением, и постепенно все, включая прессу, полицию и лично Вателье, согласятся, что правда на их стороне. Доказательств в деле нет, следовательно, оно сведется к спору экспертов. О позиции судьи Ледриана можно не беспокоиться. Витрали – пустое место: ни связей, ни опыта, ни поддержки влиятельных лиц... Но, судя по всему, Леонс де Карвиль, старавшийся производить впечатление человека надменно равнодушного и уверенного, чувствовал себя далеко не безмятежно. И решил, что будет действовать сам – твердо и последовательно, как привык при руководстве фирмой.

Один. Повинуясь инстинкту.

17 февраля 1981 года он снял телефонную трубку – ему все же хватило ума не доверять дело секретарю – и договорился с Витралями о встрече, которую назначил на следующее утро. Точнее говоря, с Пьером Витралем. Еще одна грубая ошибка с его стороны. Впоследствии Николь мне обо всем рассказала. Во всех подробностях. Не скрывая ликования.

Утром следующего дня обитатели улицы Пошоль в Дьеппе с изумлением наблюдали, как перед калиткой Витралей тормозит «мерседес», чей корпус был едва ли не длиннее, чем фасад скромного строения. В дом вошел Карвиль, переодетый в чужую одежду и с черным кейсом в руке – как в шпионском фильме.

Карикатура.

– Месье Витраль! Могу я поговорить с вами наедине?

Пьер Витраль колебался. Зато его жена – ни капли. В сущности, вопрос был адресован именно ей. И она не задержалась с ответом:

– Нет, месье де Карвиль, не можете.

Николь Витраль прижимала к груди маленького Марка.

– Видите ли, месье де Карвиль, – продолжила она, – даже если я уйду на кухню, я все равно все услышу. У нас довольно тесно. И даже если я уйду к соседям, я все равно все услышу. Такие уж у нас стены. Здесь всегда все слышно. У нас не бывает секретов от соседей. Возможно, потому, что у нас не любят секретов.

Марк захныкал на руках у бабушки. Она опустила на стул, посадив его на колени и всем своим видом показывая, что не собирается уходить.

На Леонса де Карвиля ее тирада словно не произвела никакого впечатления.

– Как вам будет угодно, – с улыбкой базарного зазывалы произнес он. – В любом случае это ненадолго. Постараюсь изложить вам свое предложение буквально в нескольких словах.

Он сделал пару шагов по комнате, бросил беглый взгляд на стоящий в углу телевизор, где шел американский сериал. Гостиная была крошечная, не больше двенадцати квадратных метров, заставленная оранжевой пластиковой мебелью, модной в шестидесятые-семидесятые. Карвиль остановился на расстоянии меньше двух метров от Витралей.

– Месье Витраль, давайте говорить откровенно. Никто никогда не узнает, чей именно ребенок выжил в катастрофе. Кто эта девочка? Лиза-Роза или Эмили? Никаких вещественных доказательств не существует, и вы всегда будете считать, что это Эмили, так же как я буду верить, что спаслась Лиза-Роза. Что бы ни случилось, мы с вами будем стоять каждый на своем. Это нормально.

До сих пор Витрали были с ним согласны.

– Даже юристы, – продолжал Карвиль, – даже суд останется в неведении. Ему придется принимать решение, но сказать, верное оно или ошибочное, не сможет никто. Орел или решка. Месье Витраль, неужели вы на самом деле думаете, что судьбой ребенка можно играть, как играют в орлянку?

Витрали молчали, не понимая, к чему он ведет. Из телевизора неслись взрывы дурацкого хохота. Николь подошла к телевизору, выключила звук и снова села на стул.

– Я буду с вами откровенен, месье Витраль. И мадам Витраль, конечно. Я навел о вас справки. Не сомневаюсь, что вы точно так же поступили в отношении меня.

Николь Витраль все меньше нравилась его самодовольная улыбка.

– Вы достойно воспитали своих детей. Все так говорят. Хотя вам было нелегко. Я узнал, что четыре года назад ваш старший сын Никола погиб, разбившись на мопеде. Я узнал, что у вас, Пьер, больная спина, а у вас, Николь, проблемы с легкими. Учитывая род вашей деятельности, это неудивительно. Я имею в виду, что вам давно следовало бы подыскать себе другое занятие. Ради вас самих. Ради внука.

Ну вот, добрались и до внука. Николь покрепче обняла Марка, а он снова захныкал.

– К чему вы клоните, месье де Карвиль? – вдруг спросил Пьер Витраль.

– Полагаю, вы уже и сами догадались. Мы с вами не враги. Напротив. В интересах нашей Стрекозки нам следует объединить усилия.

Николь Витраль резко поднялась. Карвиль, увлеченный собственной речью, этого даже не заметил.

– К чему лукавить? – продолжал он. – Я уверен, что вы мечтали дать своим детям и внукам хорошее образование. Мечтали, чтобы они могли ездить на каникулы в другие страны. Мечтали дать им все самое лучшее. То, чего они заслуживают. Дать им в жизни шанс. Но шансы стоят денег. Все на свете имеет свою цену.

Карвиля понесло. Кажется, он уже сам не соображал, что говорит. Витрали потрясенно молчали.

– Пьер! Николь! Мне неизвестно, кому из нас Стрекозка приходится внучкой – мне или вам. Но я клянусь, что обеспечу ее выше головы. Буду исполнять любые ее желания. Я сделаю ее самой счастливой девочкой в мире. Но это еще не все. Я уже говорил, что отношусь к вашей семье с огромным уважением. И я готов оказать вам финансовую поддержку, помочь вам поднять на ноги вашего внука Марка. Я отдаю себе отчет в том, что вам эта трагедия нанесла еще более сильный удар, чем мне. Вам теперь придется работать, работать долгие годы, чтобы прокормить лишний рот...

Николь Витраль подошла к мужу. Ее душила ярость. Леонс де Карвиль чуть помолчал, словно подыскивая нужные слова, и наконец решился:

– Пьер! Николь! Откажитесь от своих прав на ребенка. На Лили. Признайте, что девочку зовут Лиза-Роза. Лиза-Роза де Карвиль. А я торжественно обещаю, что буду заботиться о вас и о Марке. Вы сможете видеться с Лили столько, сколько захотите. Ничего не изменится. Вы останетесь ее дедушкой и бабушкой...

В глазах Карвиля горела мольба, делая его лицо почти человеческим.

– Прошу вас, примите мое предложение. Подумайте о ее будущем. О будущем Лили...

Николь Витраль уже открыла было рот, чтобы ответить, но Пьер ее опередил. Когда он заговорил, его голос звучал на удивление спокойно:

– Месье де Карвиль. Я бы предпочел, чтобы этого разговора не было. Эмили не продается. Марк тоже не продается. Здесь никто не продается. Не все можно купить за деньги, месье де Карвиль. Неужели трагедия с сыном вас этому не научила?

От изумления Леонс де Карвиль утратил остатки спокойствия. Он не привык, чтобы ему читали мораль. На руках у бабушки громко заплакал Марк. Этот плач, наверное, слышала вся улица Пошоль.

– Нет, месье Витраль! Не вам учить меня жизни! Неужели вы думаете, что мне было легко пойти на такое унижение, чтобы явиться к вам сюда? Я предлагаю вам шанс, редкостный шанс, а вам даже не хватает ума им воспользоваться! Гордость – это, конечно, красиво, но...

– Уходите!

Карвиль не двинулся с места.

– Уходите сейчас же! И чемоданчик свой не забудьте. Сколько у вас там? Во сколько вы оценили Эмили? В сто тысяч франков? Хватит, чтобы купить хорошую машину... Или в триста тысяч? Это уже тянет на домик с видом на Северное море – двум пенсионерам в самый раз...

– Здесь пятьсот тысяч франков, месье Витраль. После того, как суд примет решение, эта сумма может быть увеличена.

– Убирайтесь вон!

– Вы совершаете ошибку. Вы потеряете все. Из-за своей гордыни. Вам не хуже меня известно, что в суде у вас нет никаких шансов. На меня работают десятки адвокатов, каждый из которых на «ты» с экспертами и полицейскими, ведущими расследование. Я лично знаком

с половиной Парижского суда высшей инстанции. Это мой мир, а не ваш. Ваши надежды на честную игру тщетны, и вы знаете это так же хорошо, как я, месье Витраль. Вы знали об этом всегда. Спасенную девочку назовут Лизой-Розой, даже если следствие обнаружит неопровержимые доказательства обратного. Выжила Лиза-Роза. Это так, и иначе быть не может. Я пришел к вам с дружескими намерениями, месье Витраль, хотя меня ничто не вынуждало на этот шаг. Если угодно, я пришел, чтобы частично восстановить справедливость – в меру своих сил.

Марк заходился плачем на руках у Николь.

– Убирайтесь!

Карвиль подхватил кейс и двинулся к двери.

– Спасибо, месье Витраль. Теперь моя совесть чиста. И это не стоило мне ни сантима.

Он вышел.

Николь прижала к себе Марка. Она тоже плакала. Она плакала, потому что знала: Карвиль не лгал. Он говорил правду. Витрали давным-давно привыкли к несправедливости судьбы – слишком часто им приходилось с ней сталкиваться. Они стойко переносили все испытания. Но Николь понимала, что они обречены на поражение. Пьер Витраль обвел взглядом гостиную. В углу по-прежнему мерцал экран немого телевизора. Пьеру было плохо, хотя боль в спине отпустила. Разные виды боли не плюсятся, подумалось ему, а как бы накладываются одна на другую, хоть в этом ему повезло.

Он в последний раз глянул на экран телевизора, и в глазах его вспыхнула искорка сопротивления. Тихо, словно разговаривая сам с собой, он произнес:

– Нет, месье де Карвиль, вы не победите.

С вашего позволения, выскажу свое мнение, сформировавшееся годы спустя, на холодную голову. В то утро Карвиль совершил непоправимую ошибку: он разжег в Витралях ненависть к себе. Не будь этого, он, скорее всего, выиграл бы в суде – тихой сапой. Витрали могли бы сколько угодно возмущаться – никто бы их не услышал.

«Мерседес» еще только выруливал из квартала Полле, а Пьер Витраль уже искал на тесно заставленной полке шкафа газету.

– Что будем делать? – спросила его жена.

– Бороться. Мы его по стенке размажем.

– Как? Ты же слышал, что он сказал. Он прав.

– Нет, Николь. Нет. У Эмили еще есть шанс. Он забыл одну деталь. Все, о чем он говорил, касалось прежнего времени. Это было верно до того, как появилась Стрекозка. До того, как Паскаль и Стефани навсегда покинули нас. Но теперь все изменилось. Мы с тобой тоже стали известными, Николь. Люди интересуются нами. О нас пишут в газетах, рассказывают по радио...

Он повернулся и ткнул пальцем в угол комнаты:

– Про нас говорят по телевизору. Наверное, Карвиль не смотрит телевизор и ничего об этом не знает. Но в наши дни телевидение и газеты имеют не меньший вес, чем деньги.

– И что же... Что именно ты собираешься делать?

Пьер Витраль показал на номер телефона, напечатанный на газетной странице:

– Начну с «Эст републикен». Они лучше всех изучили дело. У них есть одна журналистка, она пишет все статьи о крушении самолета. Помнишь?

– Статьи! На прошлой неделе про это было пять строк!

– Вот именно. Лишний довод в нашу пользу. Можешь поискать ее фамилию?

Николь Витраль усадила Марка на стул перед телевизором. Достала из-под журнального столика папку, в которую аккуратно складывала газетные вырезки со статьями, посвященными авиакатастрофе в Мон-Террибль. Ей хватило буквально пары секунд.

– Люсиль Моро!

– Отлично. Терять нам все равно нечего. Так что мы еще посмотрим...

Пьер Витраль снял трубку и набрал номер редакции.

– Это «Эст републикен»? Здравствуйте. Меня зовут Пьер Витраль, я – дед девочки, выжившей после крушения самолета. Да-да, Стрекозки... Мне хотелось бы поговорить с вашей журналисткой Люсиль Моро. У меня появилась важная информация по этому делу...

Пьер Витраль не столько услышал, сколько почувствовал, как на том конце провода поднялась суматоха. Не прошло и минуты, как в трубке раздался странно низкий голос чуть запыхавшейся женщины, от которого у него по спине побежали мурашки:

– Пьер Витраль? Это Люсиль Моро. Вы говорите, у вас есть новости? Это правда?

– У меня только что был Леонс де Карвиль. Он предложил мне пятьсот тысяч франков, чтобы я отказался от претензий на ребенка.

Журналистка молчала не меньше трех секунд, показавшихся Пьеру Витралю вечностью. Наконец хриплый голос заядлой курильщицы разорвал тишину, едва не заставив его подпрыгнуть на месте:

– У вас есть свидетели?

– Весь квартал.

– О господи. Сидите дома. Ни с кем не разговаривайте. Сейчас я все организую. Мы к вам кого-нибудь пришлем.

2 октября 1998

10:00

Стрелки на часах замерли на отметке 10:00. Наконец-то!

Марк дочитывал очередной фрагмент дневника, одним глазом косясь в тетрадь, а вторым – на часы.

Он захлопнул светло-зеленую обложку, сунул тетрадь в рюкзак и с довольным видом двинулся к стойке. Мариам стояла к нему спиной и мыла стаканы. Марк надавил пальцем на поверхность стойки, словно нажал невидимый звонок.

– Дзинь-дзинь! – писклявым голосом сказал он. – Время!

Мариам повернулась, неторопливо вытерла руки полотенцем, аккуратно сложила его и убрала под стойку.

– Пора! – настойчиво произнес Марк.

– Хорошо, хорошо...

Мариам подняла глаза к часам.

– Ну и ну! Какая точность. А ты своего не упустишь...

– Да уж конечно. Ладно, Мариам, не тяни. Ты же слышала, что сказала Лили. У меня семинар начинается...

Мариам нахмурилась:

– Он меня еще учить будет! Вот твой подарок, держи!

Она открыла ящик, достала крошечный пакетик и протянула Марку. Тот схватил его и развернулся к выходу.

– Не хочешь посмотреть, что там такое?

– Не сейчас. А если там что-нибудь интимное? Сексуальные трусы, например?

– Марк, я не шучу.

– С какой стати я должен открывать это перед тобой?

– Представь себе, я догадываюсь, что там лежит. И кто, скажи на милость, будет тебя поднимать, когда ты рухнешь без чувств?

Марк недоверчиво смотрел на Мариам.

– Ты что, правда знаешь, что в этом пакете?

– Конечно. Ну, более или менее. Все всегда поступают примерно одинаково. Когда...

За спиной Марка раздалось фырканье. Нетерпеливый посетитель изучал табачную витрину, уставленную пачками «Мальборо».

– Когда что?

Мариам вздохнула:

– Когда девушка уходит и берет час форы, дурачок. И бросает своего дружка одного у меня в баре.

Марк ничего не ответил. Он вдруг вспомнил про сапфировое кольцо у Лили на пальце. И про туарегский крест, который она не повесила себе на шею. Ему удалось с деланным безразличием пожать плечами.

– До завтра, Мариам. То же время, тот же стол. У окна. Столик на двоих.

Собрав в кулак волю и приказав пальцам не дрожать, он сунул пакет в карман и покинул бар.

Беря с покупателя деньги за три пачки сигарет, Мариам одновременно смотрела в спину уходящему Марку. Пожалуй, она наговорила лишнего. Ведь она и сама ни в чем не уверена... Марк и Эмили представляли собой странную парочку, не похожую ни на одну другую. Но вот в чем она ни капли не сомневалась, так это в том, что в ближайшие часы решится судьба Марка, – и он отправился ей навстречу.

Вскоре его серое пальто исчезло с площади перед университетом, словно растворилось в асфальте. Еще с минуту Мариам смотрела в окно на толпу спешащих по своим делам прохожих.

Марк убежал, уверенный, что знает, что должен делать. Но иногда, думала Мариам, достаточно одной-единственной песчинки, попавшей в отлаженный механизм, чтобы все полетело в тартарары. Достаточно какой-нибудь малости, чтобы вся твоя жизнь перевернулась с ног на голову.

Достаточно самого пустякового события – незначительного, как взмах крылышек стрекозы.

Марк быстрым шагом удалялся от бара «Ленин». Ноги несли его по авеню Сталинград, к стадиону «Делон». Плотный поток пешеходов поредел – служащие разошлись по своим конторам. Теперь ему все больше попадались пенсионеры и мамы с колясками. Но метров через пятьдесят улица и вовсе почти опустела. Дрожащими руками Марк разорвал упаковку и небрежно сунул бумагу в карман джинсов. Открыл маленькую картонную коробочку и перевернул.

Лежавший внутри предмет упал ему в ладонь.

Марк пошатнулся.

В течение нескольких секунд ноги отказывались ему повиноваться. Неуклюже, как сломанная марионетка, он сделал пару шагов назад, уперся спиной в холодный металл фонарного столба и заставил себя медленно вдохнуть.

Спокойно, без паники. Не спеши. Возьми себя в руки.

Улица была почти безлюдной, но стоит ему закричать, как сбегутся люди. Нет. Он справится сам.

Против собственной воли он дышал все чаще. Горло сдавило судорогой. Привычные симптомы агорафобии – болезни, появившейся у него в двухлетнем возрасте.

Дыши спокойнее, приказал он себе.

Вопреки распространенному заблуждению, агорафобия – это вовсе не боязнь открытых пространств или толпы. Это страх оказаться без помощи, когда она понадобится. Страдающий агорафобией в каком-то смысле боится испугаться... В полном соответствии с логикой вероятность приступа повышается в изолированном месте – в пустыне, в лесу, в горах, посреди океана, а также в гуще толпы, в битком набитом зале театра или на трибуне стадиона. И еще на улице – как многолюдной, так и пустынной...

Марк привык к проявлению этих симптомов и, если приступ был не слишком сильным, обычно умел его перетерпеть. С годами болезнь давала о себе знать все реже. Он научился с ней жить: мог сидеть в переполненной студенческой аудитории, ездил в метро, ходил на концерты.

Он перевел дух.

Дыхание понемногу восстанавливалось. Спина, вжатая в столб, заныла, но он не спешил

отрываться от случайно подвернувшейся опоры.

Марк опустил взгляд на ладонь.

В руке лежала миниатюрная игрушка.

Самолетик.

Модель аэробуса А300. Довольно увесистая, из металла, выкрашена в белый цвет – кроме сине-бело-красного хвостового оперения. Такие игрушки сотнями стоят на полках в комнатах у мальчишек. Марк сжал самолетик в кулаке.

Что стоит за этим подарком?

Или это просто шутка?

Проявление черного юмора в дополнение к записям Гран-Дюка?

Чушь какая.

Надо подумать. Может, было что-то еще?

Марк пошарил в кармане джинсов, достал скомканную обертку и разгладил ее. И чуть было вслух не выругал себя. Торопясь добраться до содержимого пакета, он даже не заметил, что внутри лежал листок белой бумаги. Марк мгновенно узнал почерк Лили. Плотнее прижавшись к фонарному столбу, начал читать.

Марк!

Мне надо уехать. Не сердись на меня, я давно дала себе слово, что уеду. Сразу, как только мне исполнится 18 лет. Куда-нибудь далеко – в Индию, в Африку, в Анды... Или в Турцию. За меня не волнуйся, я хорошо переношу самолеты. Я сильная.

Я обязательно выживу. Еще раз.

Если бы я рассказала тебе раньше, ты бы стал со мной спорить. Но если ты подумаешь, как следует подумаешь, как думала я, то согласишься, что по-другому нельзя. Пока остаются сомнения, мы ничего не можем. Поэтому я должна уехать. Подальше от тебя. Я должна подвести черту. И обрубить сухие ветки...

Марк, не пытайся меня разыскивать. Не звони. Мне нужно время. И расстояние.

Мне так кажется.

Когда-нибудь мы оба узнаем, кто мы такие, ты и я. И кто мы друг для друга.

Береги себя.

Эмили

Марк почувствовал, что снова задыхается. Усилием воли отогнал нахлынувшие мысли.

Надо действовать. Срочно.

Он открыл рюкзак, сунул в него самолетик, записку и бумажную обертку. Вдохнул и достал мобильник. Он не зря подрабатывал в компании «Франс Телеком», аппарат у него был последней модели. Точно такой же он подарил Лили.

Марк промотал строчки телефонной книги, пока не добрался до Лили. Остановился и нажал зеленую кнопку. Экран осветился, раздались длинные гудки.

Такое бывало и раньше: он звонил, а Лили не отвечала. Он знал, что после седьмого гудка включится автоответчик. Когда прозвучал четвертый по счету гудок, он уже все понял.

Привет, это Эмили. Оставьте сообщение, я вам обязательно перезвоню. Чмоки.

Марк сглотнул. При звуках голоса Лили на глазах выступили слезы.

– Лили, это Марк. Перезвони мне, очень тебя прошу. Где бы ты ни была. Пожалуйста, перезвони. Целую тебя. Ты мне очень нужна. Больше всего на свете. Перезвони. Вернись.

Марк нажал отбой. И медленно пошел по Сталинградскому бульвару, повторяя про себя слова Лили.

Уехать подальше...

Подвести черту...

Обрубить сухие ветки...

Что она хотела этим сказать?

Марк был не так глуп, чтобы не понять: восемнадцатилетие Лили – не более чем предлог. История с ее исчезновением напрямую связана с тетрадью Гран-Дюка, которую Лили прочитала ночью. Что она узнала? О чем догадалась?

Мы оба узнаем, кто мы такие, ты и я. И кто мы друг для друга...

Нет! Марк не разделял сомнений Лили. И не было в мире силы, которая заставила бы его изменить свое внутреннее убеждение.

Марк дошел до площади Генерала Леклерка. По улице Габриэля Пери и авеню Полковника Фабьена рядами тянулись в обе стороны автобусы.

Что он может предпринять? Как разыскать Лили? Пойти тем же путем, что и она? Прочитать записи Гран-Дюка до последней страницы? Узнать то, что узнала – или о чем догадалась – Лили?

Марк беззвучно выругался. Он стоял на площади, глядя на вереницы автобусов. Просто сесть и не вставать, пока не дочитаешь эту сотню с чем-то страниц в смутной надежде напасть на нужный след? Это показалось ему невыносимым. Он снова достал мобильник и промотал номера на букву «Р».

Работа.

Там, где он остановился, было слишком шумно, и он отошел в сторонку.

– Алло! Дженнифер! Супер. Это Марк. Извини, но я дико спешу. Мне нужна информация. Лично для меня. Номер телефона и адрес одного мужика в Париже. Записываешь? Гран-Дюк. Это фамилия. Кредюль Гран-Дюк. Знаю, знаю, имечко еще то. Тем лучше. Значит, второго такого не существует...

Дженнифер – его коллега во «Франс Телеком» и ровесница – училась на факультете прикладной лингвистики. Марк подозревал, что, приложи он минимум усилий, девушка могла бы в него влюбиться. Не отрывая от уха мобильник, он поднял глаза на купол базилики Сен-Дени, увенчанный тремя колоколами.

– Да? Уже нашла? Ты гений!

Марк записал телефонный номер и адрес Гран-Дюка. Поблагодарил Дженнифер и тут же набрал номер частного детектива. В пустоте долго звучали длинные гудки, после чего включился автоответчик. Черт! Ничего не поделаешь, времени у него в обрез.

– Месье Гран-Дюк? Это Марк Витраль. Мне необходимо с вами поговорить. Чем раньше, тем лучше. Дело касается Лили. И тетради, которую вы ей передали. Сейчас тетрадь у меня, мне отдала ее Лили. Я начал ее читать. Если вы меня слышите, очень вас прошу, перезвоните мне. Я еду к вам. Буду минут через сорок пять...

Марк убрал телефон в карман. Он принял решение. Развернувшись, быстро зашагал по Сталинградскому бульвару к конечной остановке 13-й линии метро. Гран-Дюк жил на улице Бют-о-Кай, в доме 21. Марк мысленно представил схему метро. За те два года, что он жил

в Париже, Марк научился определять свое местонахождение в городе, не заглядывая в план. 13-я линия, направление «Шатийон – Монруж». Надо доехать до центра через станции «Сен-Лазар», «Елисейские Поля», «Дом инвалидов» и «Монпарнас». Бют-о-Кай, кажется, расположена на 6-й линии, по направлению к «Насьон», где-то между «Гласьер» и «Площадью Италии». Пересадку в любом случае придется делать на «Монпарнасе». Всего остановок двадцать, может, чуть больше.

Несколько минут спустя Марк снова стоял перед зданием университета Париж-VIII на улице Ленина. Он бросил беглый взгляд в сторону бара Мариам и нырнул в метро. В переходе, сразу за первым поворотом, там, где не так сильно дуло, на полу, на расстеленной грязной простыне, спал клошар. Рядом с ним лежала тощая пегая дворняга. Бродяга даже не просил милостыню. Марк на ходу положил к его ногам монету в два франка. Собака подняла голову и удивленно посмотрела ему вслед. Марк уже два года ездил в парижском метро, но продолжал подавать нищим, сохранив эту привычку с тех времен, когда жил в Дьеппе. Так учила его бабушка, никогда не проходившая мимо человека с протянутой рукой. Она терпеливо объясняла внуку, что такое человеческая солидарность, почему не надо бояться бедных и как преодолеть собственный стыд перед подающим. Отныне, где бы он ни находился, в Париже, Дьеппе или любом другом городе, он просто не мог поступать иначе. Денег на раздачу милостыни уходило немерено. Лили подсмеивалась над ним. Ни один парижанин не обращает внимания на попрошайек! Ну, значит, он так и не стал парижанином.

На платформе в сторону «Сен-Дени-Пари» было пустынно. Отлично, подумал Марк. Ехать минут сорок пять, двадцать с лишним остановок. Успеет прочитать еще кусок из тетради Гран-Дюка. Может быть, что-то прояснится.

Может быть, он сумеет напасть на след Лили.

Ему не давали покоя три слова из ее записки.

Обрубить сухие ветки...

Что Лили хотела этим сказать?

Какие сухие ветки она собралась обрубить?

К платформе подошел поезд. Марк сел в вагон и достал светло-зеленую тетрадь.

У него мелькнула сумасшедшая идея, которая чем дальше, тем больше овладевала его мыслями. А что, если этот самолетик – просто отвлекающий маневр? Что-то вроде театральной декорации? Ведь Лили рассказала ему далеко не все. Например, это кольцо. Кольцо с сапфиром. Откуда оно у нее? Слишком много неясного...

А что, если Лили и не собирается никуда уезжать, тем более – далеко? Если она преследует совсем другую цель?

Отделаться от него.

Чтобы не мешал. Потому что она затеяла нечто опасное. Рискованное.

А он ни за что не позволил бы ей пойти на риск.

Обрубить сухие ветки...

А что, если Лили узнала истину и разработала план мести?

Преимущество сотрудничества с региональной прессой заключается в том, что провинциальным газетам, в отличие от столичных, не так часто попадают в руки сенсации. Даже когда нечто чрезвычайное случается у них под носом, в их собственном саду, парижские журналисты ухитряются прибыть на место первыми и уже в вечерних выпусках публикуют интервью с главными участниками события. Но если уж местная печать добывает информацию, способную заинтересовать всю Францию, она своего не упускает... Мало того, ее сотрудники проявляют чудеса изобретательности, чтобы выжать из подвернувшейся горячей новости все до последней капли.

Ровно четверть часа спустя после звонка Пьера Витраля в редакцию на улицу Пошоль примчался корреспондент «Энформасьон дьепуаз». Люсиль Моро действовала стремительно. «Эст републикен» принадлежала к тому же медиахолдингу, что и местное еженедельное издание «Энформасьон дьепуаз». Корреспондент получил задание побеседовать с Витралями и сделать фотографии, после чего должен был переслать все материалы факсом в головной офис холдинга в Нанси. Люсиль Моро тем временем взялась оповестить местные телевизионные каналы «Франс-3 Франш-Конте» и «Франс-3 Верхняя Нормандия». Расчет был на то, чтобы на следующее утро взвинтить тираж до максимума: следовало растормошить общественное мнение, передав телеканалам крохи сенсационной информации и сообщив, что эксклюзивное интервью с Витралями будет опубликовано в завтрашнем номере «Эст републикен», на второй странице. В тот же вечер все государственные каналы воспроизвели краткий репортаж местного телевидения. Съёмочная группа «ТФ1» даже попыталась опросить Леонса де Карвиля, подкараулив его возле дома в Куврэ. Пока подоспели адвокаты, запретившие ему отвечать на вопросы журналистов, он много чего наговорил, подлив масла в огонь разгоравшегося скандала.

Нет, он не намерен ничего отрицать.

Да, он предложил Витралям денег.

Да, он глубоко убежден, что спасенная девочка – его внучка Лиза-Роза. К подобным действиям его побудило благородство и жалость к Витралям, что, по его мнению, примерно одно и то же. Разумеется, Господь пощадил его, а не их семью. Иначе и быть не могло.

На следующий день, 18 февраля 1981 года, выступая в прямом эфире в десятичасовой новостной радиопрограмме, де Карвиль добавил:

– В случае сомнений, если суду не удастся установить истину, необходимо поставить во главу угла интересы ребенка. В идеале следовало бы предоставить право решать самой девочке. Как вы думаете, какое будущее для себя она выбрала бы? То, какое предлагаю я, или то, какое смогут обеспечить ей Витрали?

Работая над этим делом, я убедился, что любая медийная кампания сродни снежному кому, несущемуся с горы. Запустить его нетрудно, но вот попробуй останови. Если вы еще помните подробности «Дела Стрекозки», то наверняка именно в связи с газетной шумихой,

разразившейся за несколько недель до начала судебного процесса. С февраля по март 1981 года пресса муссировала всего две темы: выборы президента и судьбу спасенного ребенка. Франция раскололась на две части. Упрощая ситуацию до карикатуры, можно сказать, что разлом прошел по линии богатые – бедные. Следовательно, образовалось два неравных по величине лагеря. Если провести воображаемую линию, делящую французов по среднему уровню доходов, то в верхней части народу окажется намного меньше, чем в нижней. Итак, подавляющее большинство встало на сторону Витралей, которые теперь все чаще появлялись на телевизионных экранах, в радиопередачах и газетных интервью. Представьте себе роман с продолжением, которому не видно конца!

Карвилю, хочешь не хочешь, досталась в этом деле роль злодея. Кстати, именно в это время во Франции показывали мыльную оперу «Даллас». Внешне Леонс де Карвиль ничем не напоминал Джона Росса Юинга, но это не помешало зрителям провести параллель между ним и несимпатичным киногероем. Слишком уж сюжет был хорош. Тем более что Джон Росс де Карвиль вполне мог, как в «Далласе», победить в схватке.

Саспенс. Волнения.

Возможно, в ту пору вы тоже присоединились к одному из лагерей?

Лично я – нет. Мне в то время было глубоко наплевать на «Дело Стрекозки». Все его подробности я узнал гораздо позже, когда вел кропотливое и долгое расследование. В феврале 1981-го я по-прежнему занимался махинациями в казино, с баскского побережья перебрался на Лазурный Берег и на Итальянскую Ривьеру. Слежка, слежка... Нудная работа, приносящая все меньше дохода. Впрочем, помню, как-то поздним вечером, притащившись к себе в гостиничный номер, я включил телевизор и поймал кусок передачи, похожей на то, что впоследствии стало именоваться реалити-шоу. Героиней программы была Николь Витраль. Именно она постепенно взяла на себя общение со СМИ. Что до Пьера Витраля, то хоть он и запустил всю эту адскую машину, но управлять ею вскоре отказался. Избегал журналистов. Мне кажется, если бы он смог остановить шумиху, то охотно сделал бы это и предоставил суду самостоятельно разбираться, кто прав, а кто нет, даже рискуя все потерять.

Николь Витраль в то время было лет сорок семь. Молодая бабушка. Красавицей в классическом смысле слова она не была, но относилась к числу женщин, которых телевизионщики – и я вслед за ними – привычно именуют «хорошей натурой». Общительная, живая, но главное – убежденная в том, что сражается за святое дело. Она представляла великомученицей, готовой любой ценой отстаивать свою правоту. Вела себя искренне, говорила с неподражаемым провинциальным акцентом, казалась простой и милой. На телевизионном экране все это выглядело восхитительно. Ее лицо, загрубевшее под йодистыми ветрами Ламанша, не годилось для крупных планов. К тому же в свои сорок семь она довольно-таки ощутимо располнела. Одним словом, прямая противоположность топ-модели.

Как ни удивительно, случайно увидев по телевизору эту невысокую женщину и ничегошеньки не зная ни про сущность дела, ни про ее личный крестовый поход, я испытал непонятное возбуждение. Я имею в виду, физическое.

Думаю, не я один. Во-первых, ее глаза. Голубые, искристые... Такие глаза бывают у людей, умеющих бросать вызов судьбе и презирать несчастья. Но главное – грудь. Николь Витраль всегда носила платья с глубоким вырезом или открытые джемперы, туго обтягивающие пышные формы, какими наградила ее природа. Должно быть, догадывалась, что этак торговля на пляжах Дьеппа идет лучше. Поверх джемпера она обычно надевала

жилет или пиджак, который время от времени пыталась застегнуть, что придавало ее облику особую пикантность. В дальнейшем я часто наблюдал за ней и убедился, что эта привычка превратилась у нее в своего рода рефлекс, доведенный до автоматизма: вы разговариваете с ней, в какой-то момент на миг отводите глаза – и в ту же самую секунду Николь Витраль, не прерывая беседы и даже, пожалуй, не замечая, что делает, стягивает жилет, прикрывая грудь, чтобы его полы тут же снова разошлись.

Странная, волнующая игра, неизменно производившая на меня неотразимое впечатление.

На телеэкране это проявлялось с особенной силой. Ее грудь то пряталась, то снова открывалась, ввергая в смущение ведущего. Однако стоило ему обратиться с вопросом к другому участнику передачи, как оператор непременно переводил камеру на Николь – та, уверенная, что на нее пока не обращают внимания, прекращала дергать свой пиджак, и телезрители могли насладиться видом ее восхитительной груди.

В феврале 1981 года Николь Витраль своим нестандартным шармом потрясла всю Францию. Меня она в тот вечер тоже потрясла, хотя я пока не был с ней знаком – наша первая встреча состоялась несколько месяцев спустя. Она продолжала волновать меня все эти восемнадцать лет. Она и сегодня не дает мне покоя, хотя ей уже шестьдесят пять. Примерно столько же, сколько и мне.

Вы уже догадались, что позиция Витралей и малытки Эмили в суде кардинально изменилась. Лучшие адвокаты Франции – за исключением тех, что работали на Карвиля, – предложили семейству из Дьеппа свои услуги. Разумеется, бесплатно. Реклама в этом деле стоила любых гонораров, к тому же на их стороне было общественное мнение. Золотая жила! Так что с точки зрения профессионализма юристов силы в борьбе сравнялись.

Первым, что предприняли новые адвокаты Витралей – компетентные, влиятельные, известные, – было объявление форменной войны судье Ледриану. Они обвиняли его в пристрастности, убежденные, что он подыгрывает де Карвилям. Еще бы: Ледриан и Карвили принадлежали к одним и тем же кругам общества. «Лайонз клуб», Ротари-клуб, масонская ложа, ужины в посольстве и прочая, прочая, прочая – ему припомнили всё, и далеко не все упреки носили невинный характер. В конце концов министерство юстиции поддалось давлению. 1 апреля судья Ледриан подал прошение об отставке – несмотря на дату, это был не розыгрыш. Вместо него назначили молодого судью Вебера, возглавлявшего Страсбургский суд, – коротышку и очкарика, представлявшего собой нечто среднее между Элиотом Нессом^[6] и Вуди Алленом. Никто ни разу не усомнился в добросовестности Вебера – даже Карвили.

Процесс начался 4 апреля. Все понимали: ровно через месяц решение будет принято. Судье придется сделать выбор. Стороны сходились в одном: никакого компромисса. Никаких двусмысленностей типа двойного имени или совместной опеки – неделю в одной семье, каникулы в другой. Монстра, искусственно слепленного из двух личностей, не желал никто.

Судья Вебер должен был рубить по живому. Решать вопрос жизни и смерти. Буквально: решать, какая девочка погибла, а какая осталась жить. Лиза-Роза де Карвиль или Эмили Витраль? Я до сих пор мучаюсь тем же вопросом. Какому другому судье выпала участь своей волей убить одного ребенка, чтобы второй мог жить? Быть спасителем и палачом в одном лице? Одна семья получала все, другая – все теряла. Но все сходились во мнении, что так

будет лучше.

Рубануть.

Конечно. Но кого отсечь?

Позже я десятки раз перечитывал тома дела – сотни страниц, имевшихся в распоряжении судьи Вебера. Я потратил много часов, прослушивая магнитофонные записи выступлений свидетелей. Годы спустя я получил к ним доступ благодаря хлопотам Карвилей...

Отчеты, анализы, экспертизы... И каждый документ мог быть истолкован как в одном смысле, так и в противоположном. Заседания свелись к спорам между специалистами, приглашенными сторонами. Равнодушных среди них не было. Об объективности никто не вспоминал. Шли дни, но никаких дополнительных сведений добыть не удавалось. Точно установлено было одно: у ребенка голубые глаза. Как у Витралей. Витрали вели по очкам, хотя отрыв был минимальным, пока адвокаты де Карвилей в последний момент не откопали где-то дальнюю родственницу с голубыми глазами... Приехали.

Я бы не удивился, если бы мне сказали, что судья Вебер приносит на процесс монету, которую незаметно подбрасывает в кармане, на ощупь пытаюсь определить, где орел, а где решка.

Адвокаты Карвиля делали все, что было в их силах, чтобы сгладить негативные последствия демарша, предпринятого их клиентом. Они лезли из кожи вон, чтобы создать ему самый выигрышный имидж и склонить на его сторону общественное мнение. Задача практически неосуществимая, и все-таки кое-что им удалось. Адвокаты обрушились с атакой на так называемый клан Витралей. Под «кланом» подразумевались не только Пьер и Николь, но и весь их квартал, даже весь город...

Леонс де Карвиль противостоял «клану», настроившему против него общество, в одиночку – исполненный достоинства и несокрушимо верящий в правоту своих принципов. Адвокаты заставили его играть роль пострадавшего, роль человека жесткого, но справедливого и честного, который всю свою жизнь бился, чтобы преуспеть, а теперь лишился права на заслуженный отдых. Права быть просто дедом. Да, он, подобно героям нравоучительных романов Марсея Паньоля, совершал ошибки, ну так что же? В конце книги, когда персонаж получает по заслугам, читатель, вместо того чтобы воскликнуть: «Так тебе и надо!» – плачет от жалости к несчастному.

Именно эту роль адвокаты навязали Леонсу де Карвилю – роль пораженного молнией могучего дуба. И у публики, а также среди журналистов зародились сомнения. А может, Карвиль говорит правду? Может, мы все клюнули на картинку, представленную Витралями, на их бедность, – в конце концов, зачем они так настойчиво выставляют ее напоказ? Неужели мы повелись на Николь Витраль с ее пышной грудью?

Да, адвокаты де Карвиля не зря ели свой хлеб...

Дело шло к ничьей. Несмотря на установленный жесткий срок, поползли слухи, что вынесение приговора будет отложено. Команды сравнялись в счете.

И вот тогда, в последний день судебного заседания, в игру вступил молодой адвокат Витралей мэтр Легерн. Впоследствии он сделал блестящую карьеру – это уж вы мне поверьте. Сейчас у него своя контора в четырехэтажном здании на улице Сент-Оноре. Но в 1981 году он был никто. Просто входил в число адвокатов, бесплатно защищавших Витралей. Отсюда мораль: нет ничего выгоднее, чем отстаивать в суде интересы вдов и сирот.

Легерн тщательно подготовился к выступлению. Он попросил судью Вебера предоставить ему слово последним, словно намекал, что в решающий момент вынет из рукава недостающее вещественное доказательство...

2 октября 1998

10:47

вокзал Сен-Лазар

Марк вздрогнул и повернул голову. Двери раздвинулись, и с платформы в вагон, до этого почти пустой, хлынула толпа. Народу набилось не так много, как в утренние или вечерние часы пик, но все равно порядочно, и Марку пришлось встать с откидного сиденья, которое хлопнуло о стену с металлическим лязгом. Марк забился в угол, плотно прижавшись к стеклу. Тетрадь из рук он так и не выпустил. Он стоял, слегка расставив ноги, чтобы не упасть. Мужчина рядом с ним, едва не заехав Марку по носу, вытянул руку, чтобы схватиться за верхний стальной поручень. В другой руке он держал детектив в бумажной обложке, который с упоением читал. Марк слегка развернулся и снова уткнулся в тетрадь. От толчков вагона строчки, написанные мелким почерком Гран-Дюка, плясали перед глазами.

Дневник Кредюля Гран-Дюка

Мэтр Легерн поднялся на возвышение. В тот день, 22 апреля 1981 года, в зале суда собралось около тридцати человек – члены обеих семей, их родственники, адвокаты, свидетели, полицейские. Легерн первым делом обратился к полицейским.

– Господа! – произнес он. – Скажите, имелось ли на спасенной девочке какое-либо украшение? Цепочка? Кулон? Браслет?

Члены следственной группы недоуменно переглянулись. Комиссар Вателье, сидевший в первом ряду, закашлялся. Разумеется, нет! Если бы на ручке ребенка был надет браслет с выбитым на нем именем «Лиза-Роза» или «Эмили», то к чему суд?! Куда клонит этот молодой нахал?

– Хорошо, – продолжил Легерн. – Мадам Витраль, скажите, носила ли малышка Эмили какое-либо украшение? Цепочку или браслет?

– Нет, не носила, – ответила Николь Витраль.

– Вы уверены в этом?

– Да. – Николь Витраль судорожно вздохнула, подавляя готовое вырваться рыдание, и сказала: – Нет. Мы собирались подарить Эмили именной браслет ко дню крещения, после их возвращения из Турции. И заказали его в ювелирной мастерской «Лесер», в Офранвиле. Но не успели...

На сей раз она не смогла сдержать слез. Порывшись в сумке, она извлекла небольшой красный футляр удлиненной формы и протянула его судье Веберу. Затем сама открыла футляр и достала миниатюрный серебряный браслетик.

Хрупкая, бесполезная вещица.

По залу пронесся ропот волнения, затронувший даже скамью, на которой сидели Карвили.

На центральной плашке нарочито детским неправильным почерком было выгравировано «Эмили» и дата рождения: «30 сентября 1980».

Позже я узнал от Николь Витраль, что эта сцена была заранее отрепетирована.

Крещение действительно было назначено на будущий месяц, но браслет они пока не заказывали. Инсценировка была рискованной, но прошла на ура. И момент был выбран точно. Момент для нанесения смертельного удара.

Молодой адвокат повернулся к Леонсу де Карвиллю:

– Месье де Карвиль. Скажите, у Лизы-Розы было какое-либо украшение? Например, браслет?

Карвиль с тревогой смотрел на своих адвокатов. Судья Вебер повторил вопрос:

– Месье де Карвиль, прошу вас ответить мэтру Легерну.

Карвиль открыл было рот, но Легерн не дал ему заговорить. Жестом фокусника он достал из толстой красной папки фотокопию счета, и не откуда-нибудь, а из дорогого ювелирного магазина «Филипп Турнер» на Вандомской площади.

Судья Вебер изучил счет. Он был выписан за золотой браслет, на котором было выгравировано имя «Лиза-Роза» и указана дата: «27 сентября 1980». На счете стояло число – 2 октября 1980 года. Неделью спустя после рождения Лизы-Розы.

Счет не доказывал ничего, ровным счетом ничего, но Карвилям впервые за весь процесс пришлось оказаться в оборонительной позиции, а никаких контраргументов у них заранее припасено не было.

– Месье де Карвиль, – продолжал Легерн, – скажите, обычно Лиза-Роза носила на ручке этот браслет?

– Откуда мне знать? Я послал его сыну в Турцию сразу после рождения Лизы-Розы. Но думаю, что они надевали его девочке лишь изредка, по каким-нибудь особенным случаям. Это было дорогое украшение.

– Вы думаете? Или знаете наверняка?

– Я предполагаю.

– Благодарю вас.

Мэтр Легерн извлек из красной папки еще одну фотокопию – открытки, на которой стоял почтовый штемпель турецкого города Джейхана.

– Месье де Карвиль, вы действительно получили от вашего сына эту открытку через месяц после рождения Лизы-Розы?

– Где вы ее откопали? – рявкнул Карвиль.

– Вы получили эту открытку? – невозмутимо повторил адвокат.

Карвиль признался, что да, получил. У него не было выбора. Дуб скрипел и шатался под порывами ветра.

– «Дорогой папа», – начал читать Легерн. – Я пропускаю детали, но вот пассаж, который способен нас заинтересовать. «Спасибо за браслет. Невероятно красивый. Должно быть, обошелся вам в кучу денег. Лиза-Роза теперь постоянно носит его на ручке. Сразу видно, что она – француженка».

Легерн замолчал. Молчал и потрясенный зал.

Мне не удалось выяснить, кто продал Карвилей. Подозреваю, что какой-нибудь мелкий служащий. Легерну эта открытка, наверное, стоила состояния. Она и правда была на вес золота. Хотя все в мире относительно. Если сравнить цену открытки со стоимостью четырехэтажного особняка на улице Сент-Оноре...

– Это ничего не доказывает! – возмутился адвокат Карвилей. – Это просто нелепо! Браслет мог быть убран в багаж. Его могло сорвать с руки ребенка во время падения...

Легерн ликовал:

– Был ли обнаружен браслет – или другое похожее украшение – на участке леса вокруг упавшего автобуса? Насколько мне известно, полицейские обыскали там каждый квадратный сантиметр территории...

В зале заседаний повисла тишина. Молчал и комиссар Вателье. Он сидел, сунув руки в карманы кожаной куртки, подавленный тем, что молодой честолюбец в черной судейской мантии сделал за него его работу.

– Разумеется, нет. Не так ли, комиссар? Обнаружены ли на ручке ребенка какие-либо следы оторвавшегося браслета? Хотя бы крохотная царапинка или покраснение? – Хорошо рассчитанная пауза. – Безусловно, нет. Врачи внимательнейшим образом осмотрели девочку и ничего подобного не заметили. Идем дальше. Обнаружена ли на запястье девочки полоска более светлой, незагорелой кожи, какая остается у каждого, кто постоянно носит на руке браслет?

Время в зале суда, казалось, остановилось.

– И еще раз нет. Благодарю вас, у меня все.

Мэтр Легерн вернулся на свое место. Адвокаты Карвиля попытались опротестовать заявление Легерна, обвиняя последнего в театральности. Браслет или его отсутствие не может являться доказательством, настаивали они. Легерн пропустил упреки мимо ушей. Он знал: чем активнее они защищаются, тем больший вес приобретает его версия.

Если именно браслет был таким пустяком, почему Карвиль не сообщил о его существовании органам правосудия?

По прошествии времени можно сказать, что вся эта история с браслетом имела не больше значения, чем все остальное. Некоторое сомнение в умах она могла бы посеять, но не более того. Однако на той конкретной стадии процесса браслет превратился в вещественное доказательство, свидетельствующее против Карвилей. Он стал тем самым новым элементом в деле, которого все с нетерпением ждали с начала расследования. Даже притянутый за уши, даже легковесный, этот новый элемент оказался в состоянии изменить баланс сил и склонить чашу весов...

Судья Вебер уставился на Леонса де Карвиля долгим пристальным взглядом. Бизнесмен солгал. Это была ложь умолчанием, но все-таки ложь. Ложь, разоблаченная противной стороной. Одно этого могло хватить, чтобы решить дело не в его пользу. Тем более что больше ухватиться было просто не за что.

В сомнении воздерживайся...

Возвращаясь к браслету Карвилей, добавлю, что я потратил на его поиски долгие годы. Подумать только, сколько сил и энергии ушло у меня на изучение этого следа... И ведь я до него чуть было не добрался! Если бы да кабы... Впрочем, простите меня, я снова забегаю вперед...

Судья Вебер вынес решение несколько часов спустя. Девочку, спасшуюся при крушении самолета в Мон-Террибль, зовут Эмили Витраль. Официальными опекунами ребенка, равно как и опекунами Марка Витраля, назначаются Пьер и Николь Витраль, дед и бабушка означенных детей.

Лиза-Роза де Карвиль умерла, вместе со своими родителями сторев в пожаре, вызванном крушением автобуса 5403, совершавшего рейс «Стамбул – Париж».

Адвокаты Карвиля собирались подавать апелляцию, задействовать любые доступные механизмы влияния. Леонс де Карвиль не позволил им этого сделать. Пораженный молнией дуб из сценического образа превратился в реальность.

На протяжении следующего года он с интервалом в пару месяцев перенес два инсульта, навсегда приковавших его к инвалидному креслу – обездвиженного, немого. Логично.

2 октября 1998

10:52

– Спрячь труп Гран-Дюка!

Голос Матильды де Карвиль из телефонной трубки звучал безапелляционно.

– Послушай, ба... – Мальвина де Карвиль все же попыталась протестовать.

– Спрячь труп Гран-Дюка, я тебе сказала! Куда угодно. В стенной шкаф, под кровать.

Нам надо выиграть время. К нему может кто-нибудь прийти. Соседка, домработница, любовница... Они вызовут полицию. Идиотка, ты оставила свои отпечатки по всему дому! Немедленно все там вытри, слышишь?

Мальвина закусила губу. Бабка права, она действовала как последняя дура. Мальвина ходила по гостиной туда-сюда, между трупом Кредюля Гран-Дюка и виварием с издыхающими насекомыми. Хорошо, она все сделает, но ей надо поторапливаться.

Он вот-вот сюда нагрянет.

– Ба, тут вот еще что...

На том конце провода Матильда де Карвиль замерла. В одной руке она держала телефонную трубку, а другой подстригала длинный ряд розовых кустов. По тону внучки она мгновенно поняла, что речь идет о чем-то серьезном.

– Что там еще, Мальвина?

– Гран-Дюку звонил Марк Витраль. Минут пять назад. Оставил сообщение на автоответчике.

Матильда де Карвиль сдержала готовое вырваться восклицание, чтобы не перебивать внучку, поднесла секатор к сухой ветке и точным движением отрезала ее.

– Он сказал, что хочет увидеться с Гран-Дюком. Приедет примерно через полчаса. На метро. Это касается Лизы-Розы. И еще... Еще он сказал, что у него тетрадь с записями Гран-Дюка. Лиза-Роза ее уже прочитала, вчера. А сегодня утром передала ему...

На землю упала еще одна ветка. Черное платье Матильды де Карвиль усеяли увядшие лепестки.

– Тем более поспеши, Мальвина. Сделай, как я тебе сказала. Сотри свои отпечатки и уходи оттуда.

– А что потом, ба? Что потом?

Матильда де Карвиль не сразу нашлась с ответом. Секатор с разверстыми челюстями замер в руке. До какой степени она может рассчитывать на Мальвину? Каков риск того, что внучка вырвется из-под ее контроля? И к чему это приведет?

– Послушай, Мальвина. Побудь там где-нибудь поблизости. Марк Витраль не знает тебя в лицо. Спрячься на улице. Посмотри, что он станет делать. Проследи за ним. Но больше ничего не предпринимай. И позвони мне, как только его обнаружишь. Ты меня поняла? Больше ничего не предпринимай! Но главное, спрячь тело!

– Поняла. Ладно, ба...

Обе дали отбой одновременно.

Стальные челюсти сомкнулись на розе.

Матильда де Карвиль знала, насколько сильно Мальвина ненавидит Витралей. Знала она и то, что ее внучка расхаживает по улицам с маузером. Заряженным. В рабочем состоянии –

в этом она не сомневалась. Может быть, разумнее было бы постараться не допустить, чтобы Мальвина столкнулась с Марком Витралем на улице Бют-о-Кай, возле дома Гран-Дюка?

Разумнее!

Матильда де Карвиль давным-давно вычеркнула это слово из своего словаря.

Самое простое – положиться на судьбу и волю Всевышнего. Как она делала всегда.

Матильда улыбнулась сама себе и с поразительным мастерством продолжила обрабатывать розовые кусты. Ее длинные пальцы обладали странным даром выхватывать, ни разу не уколовшись ни об один шип, нужный стебель и пригибать его, подводя под острые лезвия секатора. Матильда де Карвиль работала быстро, машинально, почти не глядя на руки, – так опытная швея орудует иголкой, не опуская на нее глаз.

Элегантное черное платье было запачкано землей, на подол налипли сухие травинки и розовые лепестки. Она не обращала на это внимания. Повернув голову, она посмотрела на «Розарий» – свой огромный парк. Леонс де Карвиль сидел в инвалидном кресле среди лужайки, под высоким кленом, голова свисала вбок. Их разделяло около тридцати метров, но Матильда слышала его храп. Надо бы кликнуть Линду, сиделку, – пусть поднимет ему голову. Подушку под шею подложит, что ли. И вообще пора завезти его в дом, на улице свежо.

Она пожала плечами. К чему все это?

Вот уже скоро семнадцать лет, как ее муж пребывает в подобном растительному состоянии. С первым инсультом он справился, хотя она видела, чего ему это стоило. Он мужественно переносил боль, и у нее мелькнула надежда, что он выкарабкается. Но через несколько недель случился второй инсульт – прямо на заседании совета директоров, на восьмом этаже головного офиса компании, расположенного в квартале Берси. Врачи спасли ему жизнь, но мозг, надолго лишенный нормального кровоснабжения, так и не восстановился.

Матильда де Карвиль наклонялась, осматривая розы. По земле скользила тень от креста, который она никогда не снимала.

Божий суд. В очередной раз.

После катастрофы в Мон-Террибль ее муж, как всегда, все взял в свои руки. Она смирилась. Позволила ему действовать самостоятельно. У него было все: власть, сила, связи...

Как она могла быть такой слепой! После гибели их единственного сына Александра прозорливость изменила Леонсу. Он совершал ошибку за ошибкой. Предложил кучу денег Витралям; промолчал о браслете; повсюду таскал за собой несчастную Мальвину и заставлял ее давать показания.

Не говоря уже обо всем остальном, оставшемся для непосвященных тайной.

Матильда не испытывала к этому калеке ничего, кроме презрения. Во всем, что случилось за эти годы, был виноват он один. Во всем, кроме, может быть, крушения самолета.

Пальцы Матильды перебежали от стебля к стеблю. Шипы не оказывали никакого сопротивления. Слишком слабый противник. Отсеченные ветки падали на землю одна за другой.

Кстати. Это ведь была его идея – строительство нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Отправить единственного сына на долгие месяцы в Турцию! С беременной невесткой! Чтобы твоя внучка родилась за границей! И ради чего? Ради какой-то химеры! Сколько лет прошло, на дворе 1998 год, но ни одного метра проклятого трубопровода до сих

пор так и не проложили.

Леонс де Карвиль – неудачник.

Она с отвращением смотрела, как на сидящего неподвижно мужа падают кленовые листья. Они уже засыпали ему голову, плечи, руки, образовав в области промежности небольшой сугроб.

Матильда отсекла последний стебель и выпрямилась, озирая плоды своего труда.

С десятков розовых кустов топорщились коротенькими оголенными ветками. Матильда вспомнила советы, которые ей давала ее собственная бабушка. «Никогда не бойся обрезать розы слишком коротко. Чем ниже, тем лучше. Не позволяй им вымахать. Наоборот, пригибай их к земле как можно ниже. Оставляй не больше десяти сантиметров».

Виллу «Розарий» выстроили в 1857 году, о чем свидетельствовали цифры, выбитые в граните над входом. Матильда знала, что розы посадили в том же самом году, и с тех пор Карвили ухаживали за ними сами. В доме работали десятки слуг – убирали, готовили, стригли газон, до блеска начищали бронзу, мыли окна, следили за порядком... но розарием занимались только Карвили. Матильду начали приобщать к уходу за розами, едва она научилась ходить. Кроме того, она своими руками разбила небольшой зимний сад рядом с домом. Матильда еще раз оглядела обрезанные кусты и, даже не посмотрев в сторону мужа, направилась к теплице.

У нее не шли из головы последние слова Мальвины. Значит, дневник Кредюля Гран-Дюка – его завещание, содержащее результат многолетнего расследования, – у Марка Витраля.

Вот ведь ирония судьбы.

Следует ли ей использовать Мальвину как инструмент, чтобы заполучить дневник? Иначе говоря, продолжать обманывать внучку, и дальше держа ее в плену иллюзий? Мальвина и не подозревала о существовании доказательств, которые раздобыл и предоставил Матильде Гран-Дюк. Бабушка ни словом не упоминала о них при Мальвине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/51o>

notes

Желтые вина производятся во французском департаменте Юра и являются визитной карточкой региона. – *Здесь и далее примеч. перев.*

На улице Жюльё в Париже находится университет им. Пьера и Мари Кюри.

Terrible – ужасный (фр.).

В 1992 г. при заходе на посадку на аэродром Страсбурга разбился аэробус А320.

Шарлели (Бертран-эли) Кутюр (р. 1956) – французский художник и музыкант, пик его популярности пришелся на 1980-е.

Элиот Несс (1903–1957) – специальный агент министерства финансов США, сумевший упрятать за решетку главаря мафии Аль Капоне.